

ОДИН
ИЗ САМЫХ
ПОПУЛЯРНЫХ
ДЕТЕКТИВНЫХ
СЕРИАЛОВ
В МИРЕ

Пентаграмма Ю НЕСБЁ

ЗАГАДОЧНОЕ ЧИСЛО СМЕРТИ

Annotation

В спокойном и сонном летнем Осло совершено убийство — дерзкое и вызывающее. Виновник оставил полиции не только орудие преступления, но и маленький бриллиант в форме пятиконечной звезды, спрятав его под веком покойного. Вскоре норвежскую столицу потрясает череда загадочных событий, мистически связанных с цифрой пять: о ней настойчиво напоминают пять лучей звезды и изуродованная ладонь. Каждый пятый день полиция находит новую жертву таинственного преступника, которому всякий раз удается ускользнуть незамеченным.

Ю Несбё

Пентаграмма

Дом был построен давно, еще в 1898 году. Поставили его на суглинке, потому сейчас он осел набок, так что вода, переливаясь через порог приоткрытой двери, пробиралась через спальню и темной полосой по дубовому паркету тянулась все дальше и дальше на запад. Немного отдохнув в выбоине на паркете и дождавшись подкрепления, вода испуганной крысой бежала к плинтусу. Тут ручеек раздваивался — уже две крысы пробирались, каждая в свою сторону, приюхиваясь к плинтусу в поисках пути. И вот одна из них нашла щелку между плинтусом и паркетными плашками. Там лежала монетка в пять крон с профилем короля Улафа^[1] и датой — «1987». В прошлом году ее обронил плотник. Времена на дворе были далеко не из худших, да и заказы на мансарды сыпались один за другим, поэтому плотник даже не стал ее искать. Оказавшись под паркетом, вода быстро просочилась еще ниже. Еловые брусья никто не трогал с 1898 года (за исключением, пожалуй, 1968-го, когда перекрывали протекшую крышу), и с тех пор они благополучно высохали, так что между двумя из них была уже полусантиметровая щель. Через нее вода продолжила свой бег на запад, пока не достигла стены. Известковой штукатурке, как и раствору между кирпичами, перевалило за сотню лет. Их замешивал еще Якоб Андерсен, потомственный каменщик и отец пятерых детей. Как и у других тогдашних мастеров норвежской столицы, у Андерсена был свой рецепт приготовления штукатурки и раствора. Рецепт отличала не только известная одному лишь мастеру формула соотношения извести, песка и воды, но и особые ингредиенты: конский волос и свиная кровь. Якоб Андерсен искренне полагал, что волосы и кровь связывают штукатурку и придают ей дополнительную прочность. Коллеги по цеху только качали головами, но Андерсен уверял, что это семейное изобретение. Его шотландские предки — и отец, и дед — использовали те же добавки, однако кровь брали овечью. И хотя Андерсен отказался от шотландской фамилии, взяв фамилию своего учителя, отвергать шестивековой опыт он не собирался. Некоторые строители считали его рецепт порочным, другие говорили, что это от лукавого, а многие просто над ним смеялись. Возможно, кто-то из последних и сочинил историю, которая в конце концов превратилась в городскую легенду столицы, тогда носившей имя Христиания.

Посыльный из Грюнерлёкки^[2] женился на своей кузине родом из Вермланда. Молодые переехали в однокомнатную квартиру на улице Сейльдуксгате, в дом, который среди прочих строил и Андерсен. Их первенцу не посчастливилось: он появился на свет с черными кудряшками и карими глазами. Мать была светловолосой и голубоглазой, ее ревнивый супруг — тоже. И как-то поздней ночью он связал жене руки за спиной, отвел ее в подвал и замуровал. Она стояла, связанная, зажата двумя стенами кирпичной кладки, которые заглушали ее крики. Муж, наверное, думал, что она там задохнется, но уж о чем о чем, а о вентиляции тогдашние строители умели позаботиться. Наконец бедная отчаявшаяся женщина начала грызть кирпич. И, возможно, она бы и освободилась, потому что шотландец Андерсен, используя кровь и конский волос, считал, что можно сэкономить на более дорогой составной части раствора — извести. Стена стала уступать атаке крепких вермландских зубов. Но жажда жизни была слишком велика — женщина торопилась, и скоро она не могла

уже ни жевать, ни глотать, ни сплевывать. Песок, камешки и кусочки обожженной глины забили ей дыхательное горло, лицо посинело, сердце билось все слабее, и вот дыхание остановилось.

Она умерла, как сказали бы многие.

Однако, согласно легенде, несчастная женщина, отведавшая свиной крови, вовсе не считала себя мертвой. Она с внезапной легкостью освободилась от пут, прошла сквозь стену и разгуливает теперь по городу. В Грюнерлёкке есть еще старики, которые с детства помнят легенду о женщине со свиной головой, что бродит по улицам с ножом в руке. И если маленькие дети выходят гулять поздно ночью, она отрезает им голову: ведь, чтобы не исчезнуть вовсе, не развеяться как дым, ей нужно все время ощущать во рту вкус крови.

Немногие, правда, помнили имя каменщика, и мастер Андерсен так и продолжал замешивать свой особый раствор. Построил он и тот дом, по которому сейчас бежала вода, но через три года упал с лесов и умер, оставив потомкам в наследство двести крон и гитару. А спустя почти сто лет строители начали использовать в цементном растворе искусственные волокна, чем-то напоминающие конский волос, а исследователи миланской лаборатории выяснили, что стены Иерихона упрочнялись кровью и верблюжьей шерстью.

Вода не просачивалась сквозь стену, она струилась вниз. В этом вода схожа с трусостью и иными пороками — все время стремится ниже и ниже, пытаясь достичь дна. Поначалу воду впитывала порошкообразная глинистая прослойка, но она быстро насытилась, и вода побежала дальше, по пути размывая газету «Афтенпостен» от 11 июля 1898 года, в которой сообщалось: в Христиании происходит настоящий строительный бум, и теперь можно надеяться, что прошли золотые деньки для бессовестных дельцов, спекулирующих недвижимостью. А на третьей странице говорилось, что полиция до сих пор не нашла след преступника, заколовшего насмерть молодую портниху. Ее тело на прошлой неделе было обнаружено в ванной комнате. В мае того же года на берегу Акерсельвы нашли изуродованный труп девушки. Почерк преступлений был схож, но полиция не торопилась объявлять о связи между этими двумя злодеяниями.

Вода миновала газеты, прошмыгнула под дощатый настил и побежала по обратной стороне натяжного потолка. Потолок отремонтировали после протечки, случившейся в 1968 году; его поверхность была перфорирована, и вода выглядывала в эти дырочки любопытными каплями. Они становились все тяжелее, и, когда сила притяжения одерживала верх над силой, удерживающей их на потолке, капли срывались и, пролетая три метра и восемь сантиметров, приземлялись. Вернее, приводнялись.

Вибекке Кнутсен жадно курила сигарету и выпускала дым в открытое окно четвертого этажа. Теплый вечерний воздух поднимался от прогретого асфальта на заднем дворе и подхватывал струйку дыма, быстро таявшую на фоне грязно-голубого фасада. Со стороны Уллеволсвейен слышался шум редких автомобилей. Обычно на этой улице царит оживленное движение, но сейчас, в сезон отпусков, город будто вымер. На подоконнике кверху лапками лежала муха, которой не хватило сообразительности спрятаться от жары. В той стороне квартиры, что выходила на Уллеволсвейен, было прохладнее, но Вибекке не нравился вид из того окна. Кладбище Христа Спасителя, полное знаменитостей. Мертвых знаменитостей. На первом этаже дома находился магазин, где, если верить вывеске, продавались «монументы», а проще говоря, надгробия; маркетологи назвали бы это «близость к рынку».

Вибекке прислонилась лбом к нагревшемуся оконному стеклу.

Поначалу она обрадовалась жаре, но радость быстро прошла, и теперь она скучала по

прохладным ночам и людным улицам. Сегодня в магазине побывало всего восемь посетителей: пятеро до обеда и трое после. От скуки Вибекке выкурила тридцать сигарет, и, когда позвонил шеф, у нее так бешено колотилось сердце и так сильно болело горло, что она едва могла говорить. Но стоило ей вернуться домой и начать чистить картошку, как курить захотелось снова.

Вибекке бросила эту привычку два года назад, когда познакомилась с Андерсом. Причем он ее об этом не просил. Скорей наоборот. Когда они встретились на Гран-Канарии, он даже стрельнул у нее сигаретку. Так, для смеху. А спустя всего месяц после возвращения в Осло, когда они начали жить вместе, он чуть ли не сразу заявил, что немного пассивного курения не нанесет вреда их отношениям. И что онкологи наверняка преувеличивают. И что он вскорости привыкнет к запаху дыма от ее одежды. На следующий день она решила бросить. Через несколько дней он сказал за ужином, что давно не видел ее с сигаретой, и она ответила, что всерьез никогда и не была курильщицей. Андерс улыбнулся, наклонился к ней через стол и ласково погладил по щеке:

— А знаешь, Вибекке, я так и думал.

Она услышала, как закипает вода в кастрюле, и посмотрела на сигарету. Оставалось три затяжки. Она сделала первую. Сигарета была совершенно безвкусной.

Она даже и не помнила, когда привычка к ней вернулась. Может, в прошлом году, когда он начал уезжать в долгие командировки? Или после Нового года, когда он чуть ли не каждый вечер стал задерживаться на работе? Может быть, она начала курить, потому что была несчастлива? А была ли она несчастлива? Они никогда не ссорились. Правда, почти и не спали вместе, но Андерс объяснил это непомерной загруженностью на работе, и тема была закрыта. Не то чтобы ей этого сильно не хватало. В те редкие разы, когда они занимались сексом, ей казалось, что он не с ней. А раз так, значит, и ей быть с ним необязательно.

Однако они не ссорились. Никогда. Андерсу не нравилось, когда повышают голос.

Вибекке посмотрела на часы. Четверть шестого. Почему он не идет? Обычно он предупреждал, что задержится. Она погасила окурок, и тот полетел на задний двор. Повернувшись к плите, она посмотрела на картошку. Попробовала вилкой самую большую картофелину. Почти готова. На поверхности кипящей воды плавали маленькие черные сгустки. Интересно, это от картошки или от кастрюли?

Вибекке попыталась вспомнить, что готовила в ней в прошлый раз, но тут открылась входная дверь. Она услышала в коридоре тяжелое дыхание и шум отлетающих в угол ботинок. Андерс вошел в кухню и открыл холодильник.

— Что? — спросил он.

— Мясная запеканка.

— Ясно... — Интонация вдруг пошла вверх, поставив после слова вопросительный знак.

Она знала, что он имеет в виду: «Снова мясо? А может, почаще готовить рыбу?»

— Хорошо, — сказал он без выражения и склонился над кастрюлей.

— Что ты делал? Ты весь промок от пота!

— Сегодня нет тренировки, и я проехался на велосипеде до Согне-фьорда и обратно. А что это в воде плавает?

— Не знаю, — ответила Вибекке. — Сама только что увидела.

— Не знаешь? А разве ты не училась на повара?

Он молниеносным движением схватил один из сгустков большим и указательным пальцами и попробовал на вкус. Она смотрела на его затылок, на негустые темные волосы, которые поначалу так ей нравились, — подстриженные, ухоженные, зачесанные на пробор. Он выглядел таким надежным, уверенным в себе. Как человек с большими планами на будущее. Причем не только на свое.

— Ну и на что похоже? — спросила она.

— Ни на что, — ответил он, по-прежнему разглядывая плитку. — На яйцо.

— Яйцо? Но я ведь мыла эту кастрюлю... — Она вдруг замолчала, не договорив.

Он обернулся:

— Что такое?

— Смотри, капает — Она показала на его голову.

Он наморщил лоб и провел рукой по затылку.

Потом, будто по команде, они вместе запрокинули головы и посмотрели на потолок. На нем висело две капли. Близорукая Вибекке вряд ли заметила бы их, будь они чистыми и прозрачными, но они такими не были.

— Кажется, у Камиллы потоп, — сказал Андерс. — Позвони ей, а я схожу за консьержем.

Вибекке посмотрела на потолок. И снова на кастрюлю с черными сгустками. Сердце опять забило в бешеном темпе.

— О господи... — прошептала она.

— Что еще? — спросил Андерс.

— Иди за консьержем, а потом вместе с ним поднимайся к Камилле. Я пока позвоню в полицию.

Из окон Главного управления полиции округа Осло открывается замечательный вид на восточную часть городского центра. Здание управления стоит на возвышенности, которая продолжается грядой холмов, тянущейся от Грёнланна до Тёйена. Оно было построено в 1978 году. Стекло и металл, идеально горизонтальные полы — за это группе архитекторов (Телье, Торп, Осен) вручили диплом.

Когда телемонтер, тянувший кабели в высоких коридорах на седьмом этаже, упал с лесов и сломал позвоночник, он получил не только страховку, но еще и выговор от отца: «Семь поколений твоих предков были строителями. Мы всю жизнь работали между небом и землей, пока сила притяжения не срывала нас вниз. Мой дед попытался сбежать от проклятия, но оно настигло его по эту сторону Северного моря. В тот день, когда ты родился, я дал себе обещание, что ты избежишь этой судьбы, и думал, что мне удалось его сдержать. Какого черта ты, монтер, полез на высоту шесть метров?»

И вот сейчас именно по тем проводам, которые проложил сын потомственного строителя, сигнал тревоги из кол-центра шел напрямик на шестой этаж, в отдел по расследованию насильственных преступлений (сотрудники называли его криминальный отдел), в кабинет начальника Бьярне Мёллера. Мёллер в этот момент размышлял: радоваться ему или печалиться, что скоро он со всей семьей будет отдыхать в летнем домике, который они сняли на июль в Осе под Бергеном. Ос в июле означает скорее всего дрянную погоду, но в Осло обещали жару, и Бьярне был не прочь сменить ее на изморось. Однако занять в дождь двух непоседливых сорванцов, имея под рукой только колоду карт, — задача не из легких.

Бьярне Мёллер вытянул ноги, почесал за ухом и, выслушав сообщение, спросил:

— Как обнаружили труп?

— Вода потекла на соседей, — ответил дежурный. — Сосед с консьержем долго звонили в дверь, та была незаперта, и они вошли.

— Придется отправить туда людей.

Положив трубку, Мёллер вздохнул и принялся изучать список личного состава, проводя пальцем по толстому стеклу на столе. Половина отдела отсутствовала. Так бывало каждый год в сезон отпусков. Но жители Осло отнюдь не оказывались из-за этого в большей опасности, потому что преступники в июле тоже устраивали себе отпуск, отчего на этот месяц в отделе по расследованию насильственных преступлений традиционно приходилась пора затишья.

Палец Мёллера остановился на Беате Лённ. Он набрал номер службы криминалистической экспертизы на Кьёльберг-гате. Трубку не брали. Мёллер дождался, пока сигнал переведут на коммутатор.

— Беата Лённ в лаборатории, — ответил высокий голос.

— Мёллер из криминального отдела. Свяжитесь с ней.

Пауза. Голос принадлежал Карлу Веберу, начальнику службы, теперь уже пенсионеру. Он переманил к себе Беату Лённ из ведомства Мёллера, который расценивал этот случай как подтверждение теории неodarвинистов: единственное стремление индивида — в увеличении

числа себе подобных. Вебер, очевидно, полагал, что его и Беаты Лённ генетика сильно совпадают. Конечно, с первого взгляда могло показаться, что между ними, многоопытным брюзгой Карлом Вебером и тихой серой мышкой Лённ, которая совсем недавно закончила полицейскую академию и краснела, стоило с ней заговорить, — нет ничего общего. Но профессиональные гены у них точно были идентичными. Оба принадлежали к тому типу страстных охотников, которым достаточно почуять добычу, чтобы забыть про все на свете, сосредоточить внимание на какой-то технической зацепке, улике, видеозаписи, туманном сообщении, и в итоге они придут к тому или иному заключению. Злые языки утверждали, что Вебер и Лённ нормально чувствуют себя только в лаборатории, а не среди людей, где психологические навыки следователя все-таки важнее, чем следы обуви и частички ниток с одежды.

Насчет лаборатории Вебер и Лённ были согласны, а вот про следы и нитки готовы были поспорить.

— Лённ.

— Привет, Беата! Бьярне Мёллер. У тебя есть время поговорить?

— Нет. А в чем дело?

Мёллер вкратце рассказал о происшествии и дал ей адрес.

— Направлю туда еще пару моих ребят, — добавил он.

— Кого?

— Кого найду. Все же в отпусках. — Положив трубку, Мёллер вернулся к списку.

Указательный палец остановился на Томе Волере.

В графе «отпуск» месяц проставлен не был. Впрочем, этому Бьярне Мёллер и не удивился. Ему порой казалось, что инспектор Том Волер вообще никогда не берет отпусков и почти не спит. Этот следователь был одной из двух «козырных карт» отдела. Все дела в идеальном порядке, все делается вовремя, и отличная раскрываемость. И, в отличие от второго «козыря», Том Волер был человеком надежным, пользующимся всеобщим уважением, с незапятнанным личным делом. В общем, не сотрудник, а пример для подражания. С такими несомненными задатками руководителя Том со временем вполне мог рассчитывать на кресло начальника отдела полиции, которое сейчас занимал Мёллер.

Сигнал пробежал по проводам и зазвенел в телефонном аппарате на другом конце.

— Волер, — откликнулся звучный голос в трубке.

— Это Мёллер. У нас...

— Секунду, Бьярне. Сейчас закончу тут один разговор.

Бьярне Мёллер ждал, барабанил по столешнице пальцами и думал, что Том Волер мог бы стать самым молодым начальником отдела за всю его историю. Хотя иногда Мёллер чувствовал беспокойство, оттого что вся ответственность ляжет именно на Тома. Может, из-за его возраста? Или все-таки из-за тех двух эпизодов со стрельбой? Два раза при задержании инспектор прибегал к оружию, а так как он был одним из лучших стрелков в полиции, оба случая имели летальный исход. Однако Мёллер понимал: как бы парадоксально это ни звучало, истории со стрельбой в конечном счете лишь добавляли Тому шансов на успех. Оружие он применял для самообороны — сотрудники ОСО^[3], проводившие расследование, не только не нашли доказательств обратного, но и сделали заключение, что оба раза Том Волер проявил отличную сноровку и умение принимать решения в критических ситуациях. Разве можно дать лучшую рекомендацию кандидату на должность начальника?

— Извини, Мёллер. Мобильный. Чем я могу помочь?

— У нас появилось дело.

— Наконец-то!

Дальнейший разговор длился десять секунд. Оставалось найти еще одного человека.

Мёллер подумал было о следователе Халвор-сене, но тот значился в отпуске — укатил в родной Стейнкьер.

Указательный палец спускался все ниже: отпуск, отпуск, больничный...

Начальник тяжело вздохнул: он дошел до имени, видеть которое не хотел.

Харри Холе.

Одиночка. Пьяница. *Enfant terrible* всего отдела. Но — как и Том Волер — «kozyрь» шестого этажа. Если бы не это и не развившееся с годами странное пристрастие Мёллера рисковать головой (и начальственным креслом!) ради этого алкоголика, Харри Холе уже давно вылетел бы из полиции. В другой раз Мёллер, может, в первую очередь позвонил бы именно ему, однако сейчас дела обстояли скверно.

Вернее, скверней обычного.

Неприятности начались четыре недели назад. Дело в том, что зимой Харри снова взялся за старое дело об убийстве Эллен Йельтен, своей коллеги и близкого друга, погибшей на берегу Акерсельвы. Ко всем остальным расследованиям он сразу потерял интерес. А ведь дело Эллен давно уже раскрыли. Но у Харри интерес к нему мало-помалу перерастал в манию, и Мёллер, признаться, уже начал беспокоиться за его душевное здоровье. Серьезные неприятности начались месяц назад, когда Харри явился к нему со своими жуткими версиями о заговорах и интригах, но не смог привести ни доказательств, ни сколько-нибудь весомых аргументов в пользу своих фантастических обвинений против Тома Волера.

А потом Харри просто исчез. Через несколько дней Мёллер позвонил в ресторан «Скрёдер». То, чего он опасался, все-таки случилось: Харри снова ушел в запой. Чтобы как-то прикрыть его отсутствие, Мёллер проставил ему неделю отпуска. Потом еще раз. Обычно Харри подавал признаки жизни уже через неделю. А теперь их прошло четыре. Отпуск закончился.

Мёллер посмотрел на телефонную трубку, встал и отошел к окну. Было полшестого, но в парке перед Главным управлением по-прежнему почти никого не было, если не считать одного-двух доморощенных солнцепоклонников, которым жара была нипочем. На Грэнланнслейр под навесами сидело несколько лавочников-зеленщиков. Даже машины на улицах двигались медленнее, хотя пробок, разумеется, никаких не было. Мёллер провел рукой по волосам — старинная привычка, от которой, по словам жены, ему следовало избавиться, поскольку некоторым могло показаться, что он все время прихорашивается. Неужели, кроме Харри, никаких вариантов? Мёллер проводил взглядом пешехода, проследовавшего, покачиваясь, к Грэнланнслейр. Подумал, что наверняка тот попробует зайти в «Равней» и наверняка его туда не пустят. Тогда он пойдет и напьется в «Боксере», где произошел поворот в деле об Эллен и, возможно, в полицейской карьере Харри Холе. Мёллер чувствовал, время поджидает, надо уже решать, что делать с проблемой по имени Харри. Но это все-таки в будущем, сейчас есть более срочное дело.

Мёллер поднял трубку и подумал, что из-за этого чертова сезона отпусков приходится делать Харри и Тома Волера напарниками. Электрический сигнал покинул телье-торп-осеновский памятник порядку и через некоторое время проклюнулся телефонным звонком в царстве полного хаоса — в квартире на Софиес-гате.

Она снова вскрикнула, и Харри Холе открыл глаза.

Между лениво шелестящих занавесок сверкало солнце, с улицы донесся скрежет тормозящего на Пилестред трамвая, и снова наступила тишина. Харри соображал, где находится. На полу. В своей спальне. Одетый. Пускай и не с иголки. Живой. Ну, по крайней мере, не мертвый.

Лицо было покрыто густой маской пота, сердце стучало легко и часто, как шарик для настольного тенниса на бетонном полу. С головой дело обстояло хуже.

Харри на секунду задумался, размышляя, стоит дышать дальше или нет. Потолок и стены кружились перед глазами — в квартире не было ни картин, ни верхней лампы, чтобы зацепиться взглядом. Где-то на периферии зрения раскачивались резная книжная полка, спинка стула и обеденный стол, купленный в «Элеваторе». Спасибо, хоть сон закончился.

Это был все тот же детский кошмар. Не в силах пошевелиться, словно пригвожденный, Харри старался закрыть глаза, чтобы не видеть ее искаженного лица и губ в неслышном крике. Огромные, пустые глаза в немом упреке. Когда он был маленьким, то видел в этом кошмаре младшую сестру — Сестрёныша, как он ее звал. А теперь вот — Эллен Йельтен. И Харри не знал, что хуже. Ее безгласные крики теперь озвучивали жалобно лязгавшие трамвайные рельсы.

Он лежал и молча смотрел на подрагивающее меж занавесок солнце, повисшее над улицами и домами района Бишлет. Только трамвай нарушал летнюю тишину. Харри, не моргая, смотрел на солнце, пока оно не превратилось в желтое сердце, бьющееся о тонкую голубую сердечную сумку, с каждым ударом выбрасывающее жару. Когда он был маленьким, мама говорила, что дети, которые долго смотрят на солнце, выжигают себе глазки и не видят в жизни больше ничего, кроме солнечного света. Этого он сейчас и добивался. Чтобы солнечный свет выжег все остальное. Чтобы он больше не видел, как Эллен лежит с разбитой головой на берегу Акерсельвы, а над ее телом склоняется чья-то тень. Тень, которую он три года подряд пытался поймать. И не поймал. Хотя цель была так близка, он не смог довести работу до конца. Как всегда — ничего не смог.

Ракель...

Харри осторожно поднял голову и посмотрел на мертвый черный глаз автоответчика. Он не оживал вот уже несколько недель — с тех пор, как они с Мёллером и начальником криминальной полиции встретились (начкрим, как они называли его для краткости) в «Боксере». Наверное, и этот глаз выжгло солнце.

Черт, как же тут жарко!

Ракель...

Теперь он вспомнил. В какой-то момент лицо во сне стало лицом Ракели. Сестрёныш, Эллен, мама, Ракель. Женские лица. Они сменяли друг друга в пульсирующем ритме сердца и снова сливались в одно.

Харри со стоном уронил голову на паркет. Заметил над собой на краю стола бутылку «Jim Beam from Clermont, Kentucky». Бутылка была пуста. Виски испарилось, улетучилось.

Ракель. Он закрыл глаза. Ничего не вернуть.

Он понятия не имел, сколько времени. Догадывался только, что уже слишком поздно. Или слишком рано. В общем, самое неподходящее время, чтобы проснуться. Вернее, чтобы спать. В это время нужно заниматься совсем другим делом. Нужно пить.

В кармане брюк завибрировал мобильник. Он понял: от этого он и проснулся. Как будто ночная бабочка отчаянно бьет крыльями об освещенное окно. Харри выудил из кармана телефон.

Харри Холле медленно шагал к Санктхансхёуген. Головная боль давила изнутри на глазные яблоки. До указанного Мёллером адреса было рукой подать, и Харри, рассудив, что прогулка прочищает мозги, побрызгал лицо водой, отыскал в бельевом шкафу несколько бутылок, в одной из которых даже нашелся глоток виски, и оправился пешком. Прошел мимо бара «Андеруотер». С четырех до трех. По понедельникам — с четырех до часу. Воскресенье — выходной. Здесь он не был завсегдатаем — любимый «Скрёдер» находился на соседней улице, — но в голове у Харри (как и у большинства алкоголиков) была особая картотека, куда автоматически заносился каждый кабак и график его работы.

Харри улыбнулся отражению в черном окне: «В другой раз».

На углу он повернул направо и пошел по Уллеволсвейен, улице для машин, а не для людей. Привлекательного в ней было мало — разве что тень на правой стороне в жаркие дни.

Заметив нужный номер дома, Харри остановился и посмотрел на здание.

На первом этаже была прачечная с красными стиральными машинами. Листок на двери сообщал, что открыта она с 8.00 до 21.00, цена на сушку снижена — всего 30 крон. Перед одной из работающих машин сидела смуглая женщина и смотрела куда-то в пустоту. Рядом с прачечной красовалась витрина с надгробными памятниками, а еще дальше — над гибридом закусочной и лавки коробейника — зеленая неоновая вывеска «Кебабный двор». Харри оглядел грязный фасад. Краска на старых рамах потрескалась, но, судя по эркерам, над четвертым этажом располагались новые мансарды, а над недавно установленными звонками возле входной железной двери была камера слежения. Деньги в этом городе медленно, но верно текли с запада на восток. Харри увидел напротив верхней кнопки имя Камиллы Луен и позвонил.

— Да? — отозвался динамик.

Мёллер предупредил, но Харри все равно вздрогнул, услышав голос Волера.

Он хотел ответить, но голосовые связки не слушались. Кашлянув, он предпринял вторую попытку:

— Холле. Открывайте.

Дверь зажужжала, и Харри взялся за шершавую чугунную ручку.

— Эй!

Он обернулся:

— Привет, Беата!

Рост Беаты Лённ был ниже среднего, волосы короткие, русые, глаза голубые. Не красавица, не дурнушка. Во внешности Беаты Лённ не было ничего, что привлекло бы чье-нибудь внимание. Вот разве одежда — белый комбинезон, похожий на скафандр.

Харри придержал дверь, пока Беата буксировала железные чемоданы.

— Ты только что пришла? — Харри старался не дышать на нее, когда она проходила

мимо.

— Нет, надо было вернуться в машину за этим вот барахлом. Мы тут уже с полчаса. Ударился?

Харри потер шрам на переносице:

— Что-то вроде.

Он прошел за ней и очутился на лестнице.

— И как там наверху? — спросил он.

Беата поставила чемоданы перед лифтом и бросила быстрый взгляд на Харри.

— Я думала, твой принцип — «Сначала посмотри сам, потом спроси других». — И она нажала на кнопку вызова рядом с зеленой дверью.

Харри кивнул. Беата Лённ была из тех представителей вида гомо сапиенс, кто запоминает все. Она могла выдать подробности уголовных дел, о которых Харри давно забыл и которые были закрыты еще до того, как Беата поступила в полицейскую академию. Кроме этого у нее была феноменальная память на лица. В свое время она прошла обследование и потрясла психологов этой особенностью. Потому неудивительно, что она помнила все до мельчайших подробностей, что слышала от Харри в прошлом году, когда по городу прокатилась волна ограблений и им довелось работать вместе.

— Да, я предпочитаю доверять собственным впечатлениям, когда впервые оказываюсь на месте преступления. — Харри вздрогнул, когда сверху внезапно гроыхнул лифт, и начал искать в карманах сигареты. — Но я не думаю, что буду заниматься этим делом.

— Это почему?

Харри не ответил. Вытащил из левого кармана джинсов смятую пачку «Кэмела» и выковырял из нее окурки.

— Ах да, припоминаю, — улыбнулась Беата. — Ты же рассказывал весной, что вы собираетесь в отпуск. Кажется, в Нормандию? Везунчик...

Харри сунул бычок в зубы. Вкус — преотвратный. И больной голове это вряд ли поможет. Поможет только одно. Он покосился на часы. «Понедельник — с четырех до часу...»

— С Нормандией не получилось, — сказал он. — Да?

— Да. И вообще не из-за этого. А из-за того, кому это дело поручено и кто ждет нас наверху. — Он затаился и кивнул в сторону верхних этажей.

Беата пристально на него посмотрела:

— Да не зацкливайся ты на нем, Харри.

— Не зацкливаться, говоришь? — Харри выдохнул дым. — Он делает людям больно, Беата. Не мне тебе рассказывать.

Беата покраснела:

— Мы с Томом встречались совсем недолго, Харри, вот и все.

— Не тогда ли ты ходила с синяками на шее?

— Харри! Том никогда... — Беата осеклась, поняв, что повысила голос. Но эхо ее слов не достигло верхних этажей: его перекрыл глухой грохот приехавшего лифта. — Не любишь ты его, — уже тише сказала Беата, — вот и придумываешь. На самом деле у Тома есть положительные качества, о которых ты и не догадываешься.

— Хм... — Харри затушил окурки о стену.

Беата открыла дверь лифта и вошла.

— Ты не со мной? — Она посмотрела на Харри.

Тот стоял и стеклянными глазами смотрел на что-то. Лифт. Дверь, которую нужно открывать самому. Черная железная решетка, которую закрывают за собой, прежде чем лифт тронется. Снова крик. Немой крик. Харри покрылся потом. Глотка виски оказалось недостаточно.

— Что-то не так? — спросила Беата.

— Да нет, — сипло ответил Харри. — Просто не люблю старые лифты. Я лучше пешочком.

В доме действительно было две мансарды. Дверь одной из них была открыта, но поперек дверного проема была прикреплена оранжевая лента полицейского заграждения. Харри пришлось согнуться пополам, а когда он выпрямился во все свои сто девяносто два сантиметра, то чуть не упал — так закружилась голова. Гостиная. Дубовый паркет, косой потолок с окнами. Жарко, как в сауне. Небольшая квартира была обставлена в духе минимализма — совсем как его собственная, но на этом сходство заканчивалось. Тут стоял ультрамодный диван из «Хильмерс Хус», стол из «R.O.O.M.» и маленький пятнадцатидюймовый телевизор «Филипс» из прозрачного пластика холодного голубоватого цвета, который отлично сочетался со стереосистемой. В открытые двери Харри увидел кухню и спальню. Всё. Было на редкость тихо. У кухонной двери, скрестив руки и раскачиваясь с пятки на носок, стоял полицейский в потной насквозь униформе и, подняв одну бровь, изучал Харри. Когда тот потянулся за удостоверением, полицейский криво улыбнулся и покачал головой.

«Все узнают обезьяну, — процитировал про себя Харри. — Обезьяна — никого»^[4].

Он провел рукой по лицу:

— Где следственная группа?

— В ванной. — Полицейский кивнул в сторону спальни. — Лённ и Вебер.

— Вебер? А что, пенсионеров теперь тоже привлекают?

Полицейский пожал плечами:

— Сезон отпусков.

Харри посмотрел вокруг и вспомнил:

— Позаботьтесь о том, чтобы оградить лестницу и дверь на улицу. Люди ходят туда-сюда.

— Но...

— Это часть места преступления. Ясно?

— Я понимаю... — скрипучим голосом начал полицейский, и Харри понял, что двумя предложениями только что нажил себе на службе еще одного врага. Список был уже длинный. — Но у меня четкое указание...

— ...стоять здесь, — донеслось из спальни, и в двери показался Том Волер.

Хотя он был в черном костюме, ни капельки пота не было на лбу под прилизанными темными волосами. Том Волер был красивым мужчиной. Ростом чуть пониже Харри, но многие бы сказали обратное. Может быть, из-за его гордой осанки или непринужденной самонадеянности, которая не только нравилась окружающим, но и заражала их уверенностью: они чувствовали, что находятся на своем месте, подчиняясь приказам Волера. А может, красавцем он казался из-за выдающихся физических данных: никакой костюм не мог скрыть, что его владелец пять раз в неделю толкает штангу и занимается карате.

— И он будет находиться здесь, — продолжал Том Волер. — Я уже отправил парня вниз на лифте, чтобы он оградил все, что требуется. Все под контролем, Холле.

Последнюю фразу он произнес со странной полувопросительной интонацией.

Харри прокашлялся и спросил:

— Где она?

— Здесь, в ванной.

Волер сделал шаг в сторону и, когда Харри проходил мимо, изобразил озабоченность:

— Ударился, Холе?

Спальня была обставлена простенько, но со вкусом и романтично. Двуспальная кровать, застеленная для одного человека, стояла у самой балки. На балке был вырезан странный рисунок: контур сердца и на нем треугольник. Наверное, память о любовнике, подумал Харри. Стену над кроватью украшали три постера с обнаженными мужчинами — выражаясь с эротической полит-корректностью, что-то между откровенным искусством и легким порно. Никаких личных вещей или фотографий видно не было.

Ванная комната находилась чуть дальше — практически в пределах спальни, и места в ней было ровно столько, сколько требовалось для раковины, туалета, душевой кабинки без занавеса и тела Камиллы Луен. Она лежала на плиточном полу, повернув лицо к двери, но смотрела на лейку душа, будто ожидая еще воды.

Одежды на ней не было, если не считать распахнутого белого халата, сейчас мокрого насквозь и закрывающего сливное отверстие душа. Беата стояла на пороге и фотографировала.

— Кто-нибудь выяснил, когда наступила смерть?

— Патологоанатом скоро будет, — откликнулась Беата. — Но rigor mortis^[5] еще не наступило, да и тело не совсем остыло. Думаю, пару часов назад.

— А когда сосед с консьержем ее нашли, разве душ не был включен?

— А что?

— Теплая вода могла поддерживать температуру тела и отсрочить окоченение. — Харри посмотрел на часы: четверть седьмого.

— Скажем так, предположительно она умерла около пяти, — высказался Волер.

— Это почему? — спросил Харри, не оборачиваясь.

— Поскольку нет оснований считать, что труп переносили, будем исходить из того, что ее убили, когда она находилась в душе. Как видишь, тело и халат закрывают сливное отверстие. Это и вызвало затопление. Консьерж, выключивший воду, сказал, что открыта она была на полную мощность. Я смерил давление воды — неплохо для мансарды. Не так уж много времени требуется, чтобы вода залила такую маленькую ванную комнату и потекла в спальню. И до соседей она добралась довольно быстро. Женщина из нижней квартиры говорит, что было двадцать минут шестого, когда они обнаружили течь.

— Это всего час назад, — заметил Харри. — А вы уже полчаса как здесь. Кажется, все тут реагирует на события необычайно быстро.

— Ну, не все, — протянул Волер.

Харри промолчал.

— Я имею в виду патологоанатома. — Волер улыбнулся. — Ему уже полагается быть здесь.

Беата закончила фотографировать и обменялась взглядами с Харри.

Волер тронул ее за плечо:

— Если что, звони. Я на третьем, поговорю с консьержем.

— Хорошо.

Харри дождался, пока он уйдет, и спросил:

— Можно мне?..

Беата кивнула и отошла в сторону.

Подошвы чавкали по мокрому полу. Повсюду в ванной комнате были капельки воды. Собираясь в ручейки, они сбегали вниз. Глядя на зеркало, можно было подумать, что оно плакало. Харри присел на корточки; чтобы не потерять равновесия, оперся о стену, глубоко вдохнул воздух, но почувствовал только запах мыла. Других запахов, которых он ожидал, не было. Это дизосмия, вспомнил Харри. О ней он читал в книге, которую брал у доктора Эуне, психолога, работающего с сотрудниками криминального отдела. Некоторые запахи мозг попросту отказывается воспринимать или начинает путать, ощущая приятные ароматы как отвратительные. В книге говорилось, что такая форма извращения обоняния часто объясняется эмоциональными травмами. Впрочем, сейчас Харри об этом не думал. Думал он о том, что не чувствует трупного запаха.

Камилла Луен была молодой. Харри дал бы ей лет двадцать семь — тридцать. Миловидная. Пухленькая. Гладкая загорелая кожа, которая, правда, уже приобрела характерную мертвенную бледность. Темные волосы, которые станут светлее, когда высохнут. И маленькая дырочка во лбу, которую сотрудник похоронного бюро без труда замажет косметикой. Больше макияжа такого рода тут и не требовалось — разве что сделать незаметной небольшую шишечку, набитую под правой бровью.

Харри сосредоточился на маленькой, идеально круглой черной дырочке во лбу. Не больше, чем дырочка в кроне^[6]. Возможно, Харри и удивился бы тому, через какие маленькие отверстия порой выходит человеческая жизнь, но нельзя доверять глазам: иногда кожа стягивается. Харри посчитал, что в данном случае пуля была больше входного отверстия.

— Паршиво, что она все это время пролежала в воде, — сказала Беата. — Иначе мы могли бы найти отпечатки пальцев убийцы или следы его ДНК на теле.

— Хм... Но на лоб-то вряд ли попало много воды.

— Вокруг входного отверстия — черная запекшаяся кровь. На коже — почернение от выстрела. Рана может нам кое-что рассказать. Лупу?

Не отрывая взгляда от Камиллы Луен, Харри протянул руку и, почувствовав в ней благородную тяжесть немецкой оптики, приступил к изучению участка раны.

— Ну, что видно? — услышал Харри шепот Беаты у самого уха.

Как всегда, она была любопытной и жадной до знаний. Харри знал, что скоро придет день, когда он уже не сможет научить ее ничему.

— Серый оттенок на общем черном цвете входного отверстия говорит о том, что стреляли с близкого расстояния, но не вплотную, — сказал он. — Я думаю, расстояние было около полуметра.

— Да?

— По асимметрии отверстия можно сказать, что стрелявший целился сверху под углом.

Харри осторожно повернул голову убитой. Лоб еще не остыл.

— Входного отверстия нет, — отметил он. — Это подтверждает, что стреляли под углом. Возможно, она стояла перед убийцей на коленях.

— Можно понять, из какого оружия стреляли?

Харри покачал головой:

— Это определит только патологоанатом с ребятами-баллистами. Отверстие постепенно уменьшается, значит, оружие было короткоствольное — пистолет.

Харри стал систематично изучать труп, пытаясь подметить мельчайшие детали, но понял, что мозг, все еще затуманенный алкоголем, отсеивает подробности, которые могли бы ему пригодиться. Нет, могли бы пригодиться им. Это не его дело. Тем не менее он продолжал и, склоняясь над изуродованной рукой, буркнул:

— Дональд Дак.

Беата посмотрела на него непонимающе.

— Его так в комиксах рисуют, — пояснил Харри, — с четырьмя пальцами.

— Я комиксов не читаю.

Не хватало указательного. На его месте был черный от свернувшейся крови срез, где можно было различить ткань сухожилия и белую кость. Ровная, аккуратная работа. Харри осторожно тронул кость кончиком пальца. Срез оказался совершенно гладким.

— Кусачки, — сказал он, — или очень острый нож. Палец нашли?

— Не-а.

Харри внезапно почувствовал, что его мутит, и закрыл глаза. Пару раз вдохнул и выдохнул. Открыл глаза.

— Может, рэкетир, — предположила Беата. — Они используют кусачки.

— Может быть, — невнятно пробормотал Харри.

Он поднялся и увидел свои следы на белой плитке, а ему-то казалось, она розовая...

Беата наклонилась сделать крупную фотографию лица погибшей.

— Ну и крови же из нее натекло, — заметила она.

— Это потому, что ее рука лежала в воде, — сообщил Харри. — Вода не дает крови свернуться.

— Вся эта кровь — из отрезанного пальца?

— Да. И знаешь, что это значит?

— Нет, но чувствую, что скоро буду знать.

— А значит это, что Камилле Луен отрезали палец, когда сердце у нее еще билось. То есть до того, как в нее стреляли.

Беата зажмурилась.

— Спустишь, поговорю с соседями, — сказал Харри.

— Когда мы переехали, Камилла уже жила в мансарде. — Вибекке Кнутсен бросила быстрый взгляд на своего сожителя. — Мы с ней не так уж много общались.

Они с Харри сидели в гостиной на четвертом этаже, под мансардой. На первый взгляд могло показаться, что хозяин тут именно Харри: он вальяжно развалился в одном из кресел, а его собеседники, неестественно выпрямив спины, примостились на краешке дивана.

Харри подумал, глядя на них, что эта пара — какая-то непарная. Да, обоим за тридцать. Но Андерс Нюгорд был поджарым и жилистым, как марафонец. Отглаженная голубая рубашка, короткие волосы, аккуратная деловая прическа, тонкие губы, нервные движения. И хотя лицо его было открытым и детским — можно сказать, невинным, — от владельца его веяло аскетической строгостью. А у Вибекке Кнутсен на щеках весело играли ямочки, ее пышные формы подчеркивал обтягивающий леопардовый топ. Морщинки вокруг губ свидетельствовали о многих сигаретах, а морщинки у глаз — о частых улыбках.

— Чем она занималась? — спросил Харри.

Вибекке посмотрела на сожителя, но он не ответил, и она заговорила снова:

— Насколько мне известно, она работала в рекламном агентстве. Дизайнером. Или вроде того.

— Вроде того, — повторил Харри и с безразличным видом сделал запись в своем блокноте.

Это был прием, которым он всегда пользовался в разговоре со свидетелями. Не смотри на них — и они будут чувствовать себя раскованнее. Покажи, будто их показания тебя не впечатляют, — и они обязательно захотят рассказать что-нибудь интересное. Нужно было ему идти в журналисты. Как ему казалось, журналисты терпимее к тем, кто появляется на работе в пьяном виде.

— У нее был жених?

Вибекке покачала головой.

— Любовники?

Вибекке нервно засмеялась и опять взглянула на своего сожителя.

— Мы же не подслушиваем под дверями, — решил вдруг вмешаться Андерс Ньюгорд. — Думаете, убийца — любовник?

— Не знаю пока, — ответил Харри.

— Да это-то понятно!

Харри почувствовал в его голосе раздражение.

— Мы здесь живем, и нам бы не помешало знать ваше мнение о том, что тут происходит. Это похоже на бытовое убийство? Или, может быть, у нас тут в округе разгуливает маньяк? — повысил голос Андерс.

— Может быть, у вас тут в округе разгуливает маньяк. — Харри отложил ручку и посмотрел на собеседников.

Он заметил, как вздрогнула Вибекке Кнутсен, но внимание свое сосредоточил на Андерсе Ньюгорде.

Когда людям страшно, их легче разозлить — материал первого курса полицейской академии. Потому не стоит без надобности нервировать испуганных. Но Харри сделал из правила совершенно другой вывод. Куда полезнее их раздражать. Рассерженные часто говорят не то, что думают. Вернее, не то, что думали сказать.

Андерс посмотрел на него ничего не выражающими глазами.

— Но вероятнее всего, убийца — именно ее молодой человек, — добавил Харри. — Жених, любовник или кто-то, с кем у нее были отношения, которые она прекратила.

— Почему вы так думаете? — Андерс Ньюгорд приобнял Вибекке за плечо.

Это смотрелось забавно, потому что рука у него была короткая, а ее плечи — довольно широкие.

Харри откинулся на спинку кресла:

— Статистика. Можно мне закурить?

— Вообще-то у нас не курят. — Тонкие губы Ньюгорда растянулись в улыбке.

Харри запихал пачку обратно в карман, но заметил, что Вибекке при этом опустила глаза.

— А что вы имеете в виду под статистикой? — спросил Андерс Ньюгорд. — Что заставляет вас думать, будто она распространяется на данный конкретный случай?

— Ну что ж, прежде чем ответить на два ваших вопроса, я спрошу, разбираетесь ли в статистике вы, Ньюгорд? Знаете термины «распределение вероятности», «стандартизованное нормальное отклонение»?

— Нет, но я...

— Вот и хорошо, — оборвал его Харри, — потому что в данном случае это и не

понадобится. Столетняя уголовная статистика всего мира дает возможность утверждать, что убийца — именно ее ухажер. Или, если у нее нет ухажера, тот, кто считал себя таковым. Это ответ на первый ваш вопрос. Да и на второй.

Андерс Ньюгорд фыркнул и убрал руку с плеча Вибекке.

— Но это же дилетантство! Вы ведь ничего не знаете о Камилле Луен.

— Это верно, — подтвердил Харри.

— Так почему же вы беретесь утверждать?..

— Потому что вы спросили, — прервал его Харри. — И если у вас вопросов больше нет, можно я попробую задать свои?

Ньюгорд собирался что-то на это ответить, но передумал и злобно уставился на стол. Возможно, Харри ошибся, но ему показалось, что губы Вибекке дрогнули в чуть заметной улыбке.

— Как вы считаете, Камилла Луен употребляла наркотики? — спросил Харри.

Ньюгорд вскинул голову:

— Почему мы должны так считать?

Харри закрыл глаза и промолчал.

— Нет, — мягко и тихо ответила Вибекке. — Мы так не считаем.

Харри открыл глаза и благодарно ей улыбнулся. Андерс Ньюгорд посмотрел на нее с удивлением.

— Ее дверь была не заперта, верно?

Андерс кивнул.

— Вам это не показалось странным? — продолжил допрос Харри.

— Не особенно. Она же была дома.

— Хм... У вас на двери простой замок, и я заметил, что вы... — кивнул он Вибекке, — заперли его, когда я вошел.

— Она у нас теперь пугливая. — Ньюгорд похлопал сожительницу по коленке.

— Осло теперь — не то, что раньше. — Вибекке на мгновение встретилась с Харри глазами.

— Это верно, — согласился он. — И, кажется, Камилла Луен тоже это понимала. В ее квартире двойной секретный замок и еще цепочка, поэтому я решил, что она не из тех, кто отправляется в душ, не заперев входную дверь.

Ньюгорд пожал плечами:

— Возможно, пока она мылась в душе, вошедший открыл замок отмычкой.

Харри покачал головой:

— Это только в кино такие замки открывают отмычками.

— А может, с ней в квартире уже кто-то был? — предположила Вибекке.

— Кто?

Харри выдержал паузу. Когда он понял, что заполнять ее никто не собирается, он встал с кресла:

— Вас еще пригласят для дачи показаний. Благодарю за содействие. — На пороге он обернулся: — Кстати, а кто из вас позвонил в полицию?

— Я, — ответила Вибекке. — Андерс пошел за консержем, а я позвонила.

— До того, как нашли тело? А почему...

— В воде, которая протекла в нашу комнату, была кровь.

— Да? А как вы это поняли?

Андерс Ньюгорд тяжело и устало вздохнул и положил руку Вибекке на плечо.

— Она ведь была красная, разве не так?

— Ну, — протянул Харри. — Не только же кровь красная.

— Верно, — сказала Вибекке. — Дело не в цвете.

Андерс Ньюгорд удивленно посмотрел на нее.

Вибекке улыбнулась, но Харри заметил, что она убрала плечо из-под руки сожителя.

— Одно время я жила с поваром, и мы на пару содержали столовую. Там я кое-что узнала про еду. В том числе и то, что в крови содержится белок и, если капнуть ее в воду горячее шестидесяти пяти градусов, она сворачивается комочками. Как если бы в кипящей воде треснуло яйцо. Когда Андерс попробовал один такой комочек и сказал, что на вкус он похож на яйцо, я поняла, что это кровь и случилось что-то серьезное.

Андерс Ньюгорд слушал ее с открытым ртом. Его загорелое лицо вдруг побледнело.

— Всего доброго, — пробормотал Харри и вышел.

Харри ненавидел тематические пабы: ирландские пабы, пабы, где все пьют, раздевшись по пояс, пабы, где обсуждаются новости, а больше всего — любимые пабы знаменитостей, где на стенах висят портреты скандально известных завсегдаев. В «Андеруотере» это была мутная смесь морских тем — подводного плавания и пиратской романтики. Правда, на четвертой полулитровой кружке Харри перестало раздражать и бульканье зеленой воды, и шлемы от скафандров водолазов, и незатейливая скрипучая мебель. Могло быть и хуже. В прошлый раз народ решил развлечься пением, и в какой-то момент показалось, что он на мюзикле, а не в баре. Харри внимательно огляделся и со спокойным сердцем убедился, что никто из четверых гостей не собирается петь и танцевать.

— Как настроение? Праздничное? — спросил он барменшу, когда та поставила перед ним кружку.

— В семь вечера? — ответила барышня вопросом и дала ему сотню сдачи, хотя полагалось две.

Если бы Харри мог, то отправился бы в «Скрёдер». Но ему почему-то думалось, что туда его не пустят, а пойти и выяснить это не хватало храбрости. Не сегодня. Из случившегося в четверг в его памяти остались какие-то обрывки. Или в среду? Кто-то из посетителей вспомнил, что Харри показывали по телевизору как героя норвежской полиции, потому что он застрелил маньяка в Сиднее. Кто-то отпустил пару замечаний, как-то его обозвал, и что-то из этого Харри не понравилось. Интересно, дошло ли до потасовки? Не исключено, что костяшки пальцев и переносицу он мог разбить, споткнувшись о брусчатку на Довре-гате.

Зазвонил телефон. Харри посмотрел на номер и в очередной раз отметил, что звонит не Рабель.

— Да, шеф.

— Харри? Ты где? — Бьярне Мёллер был встревожен.

— Под водой. В баре «Андеруотер». А что такое?

— Какой еще водой?

— Солонатовой. Полуречной-полуморской. У вас — как это? — очень занятой голос.

— Ты пьян?

— Не так, как хотелось бы.

— Что?

— Ничего. Аккумулятор садится, шеф.

— Один сотрудник, который был на месте преступления, грозился написать на тебя рапорт. Говорит, ты был определенно пьян, когда пришел.

— Почему «грозился», а не «грозится»?

— Я отговорил. Ты был пьян, Харри?

— Разумеется, нет, шеф.

— Ты точно уверен в том, что сейчас говоришь, Харри?

— А вы точно уверены в том, что хотите это знать?

Мёллер недовольно вздохнул в трубку:

— Харри, так дальше продолжаться не может. Я должен принять меры.

— Хорошо. Для начала отстраните меня от этого дела.

— Что?

— Вы все прекрасно расслышали. Я с этой свиньей работать не буду. Найдите другого.

— У нас не хватает людей, чтобы...

— Тогда увольняйте. Мне плевать.

Харри положил телефон во внутренний карман. Он слышал, как голос Мёллера дрожит и бьется о грудную клетку, — даже приятно. Допив пиво, Харри встал и, покачиваясь, вышел навстречу теплому летнему вечеру. Третье такси, которое он окликнул на Уллеволсвейен, остановилось.

— Холменколлвейен, — сказал Харри и откинул потную голову на прохладную спинку кожаного сиденья.

По дороге он смотрел в заднее окно, наблюдая, как в бледно-голубом небе кружатся в поисках еды ласточки. В воздухе как раз появилась мошкара. Самое время для ласточек, чтобы подкрепиться, — с этого момента и до заката.

Такси остановилось возле большого и мрачного деревянного дома.

— Подъехать к крыльцу? — осведомился водитель.

— Нет, постоим тут, — сказал Харри.

Он посмотрел на дом. Ему показалось, что в окне он заметил Ракель. Олегу, наверное, скоро пора в кровать. Впервые с момента размолвки Харри приехал сюда. На душе скребли кошки...

— Сегодня ведь пятница?

Таксист с опаской посмотрел в зеркало и медленно кивнул.

Дни. Недели. Господи, как же быстро растут эти мальчишки!

Харри помассировал лицо, пытаясь втереть немного жизни в то, что сейчас больше всего напоминало посмертную маску.

А ведь зимой казалось, что все не так уж плохо.

Харри тогда раскрыл пару крупных преступлений, у него был свидетель по делу Эллен, он не пил. А еще Ракель и он перешли от простой влюбленности к совместному строительству семейной жизни, и ему это нравилось. Нравились выезды на природу, пикники для детей, на которых Харри жарил на углях мясо. Нравились приглашать отца и Сестрёныша на воскресный ужин и смотреть, как его сестра с синдромом Дауна играет с девятилетним Олегом. И самое замечательное — влюбленность не проходила. Ракель даже стала поговаривать, что неплохо бы Харри переехать к ним, аргументируя это тем, что дом слишком велик для них с Олегом, а Харри не слишком старался найти контраргументы.

— Поглядим. Вот только разберусь с делом Эллен, — пообещал он.

Проверкой их чувств должна была стать поездка в Нормандию: три недели в старинном поместье и неделя на речном теплоходе.

Но тут дела пошли вкривь и вкось.

Всю зиму он занимался делом Эллен. Усердно, даже слишком. Харри не умел работать иначе. К тому же Эллен Йельтен была не просто коллегой, а его лучшим другом. Три года назад они вместе охотились на человека, занимавшегося контрабандой оружия, по кличке Принц.

Эллен убили бейсбольной битой на берегу Акерсельвы. Улики указывали на неонациста

Сверре Ульсена, который уже успел засветиться в полиции. Увы, показаний его они так и не услышали: во время ареста Том Волер прострелил ему голову — как он заявил, это была самооборона. Но Харри был уверен, что за убийством стоит Принц, и уговорил Мёллера разрешить ему провести собственное расследование. Мотивы были личными, а значит, официально расследование Харри вести не мог. Мёллер тогда решил сделать исключение — как поощрение за успехи Харри при раскрытии других дел. Этой зимой наметился прорыв. Отыскался свидетель, который вечером, когда произошло убийство, видел, как Сверре Ульсен беседует с кем-то в красной машине в Грюнерлёкке всего в паре сотен метров от места преступления. Этим свидетелем был некто Рой Квинсвик, бывший неонацист с судимостью, а ныне новообращенный прихожанин Филадельфийского прихода. Квинсвика нельзя было назвать образцовым свидетелем, но он долго и упорно всматривался в предложенную Харри фотографию и сказал: да, именно этот человек сидел в машине рядом со Сверре. Человеком на фотографии был Том Волер.

Хотя Волера Харри подозревал давно, подтверждение догадки потрясло его еще и потому, что это означало — в полиции Волер не единственный оборотень, иначе Принц просто не смог бы проворачивать столь масштабные аферы. Стало быть, Харри не может доверять никому. Поэтому о Рое Квинсвике он молчал, понимая, что второй такой удачи не будет. Одно неверное движение — и запахнет гнилью, а будет гниль — будут и крысы. Значит, надо быть во всеоружии.

Харри начал в глубокой тайне готовить оборону. Это оказалось не так просто, как он думал. Не зная, кому можно довериться, он дожидался, пока все уйдут с работы, и копался в архивах, залезал во внутреннюю сеть, распечатывал электронную почту и списки входящих и исходящих телефонных звонков от тех, кто, по его сведениям, был как-то связан с Волером. Вечерами он просиживал в машине поблизости от Юнгсторг, наблюдая за посетителями пиццерии «У Герберта», где ошивались неонацисты, — по версии Харри, контрабанда оружия проходила через них. Не добившись результатов, Харри стал шпионить за Волером и кое-кем из коллег, особенно за теми, кто, насколько он знал, проводит много времени в экернском тире. Он следил за ними издалека. Сидел в машине перед их домами и не смыкал глаз, куда все спали. На рассвете, измотанный, возвращался к Ракели и, прикорнув на пару часов, снова шел на работу. Потом она попросила его в сдвоенные дежурства ночевать дома. Он не сказал ей, что ночью работает не по графику, не по приказу.

Потом стало еще хуже.

Как-то вечером он решил-таки побывать «У Герберта». Потом зашел еще раз. Поговорил с ребятами. Угостил пивом. Разумеется, они знали, кто он такой, но бесплатное пиво — оно и есть бесплатное пиво. Они пили, ухмылялись и молчали. Наконец он понял, что им ничего не известно, но захаживать не перестал. Возможно потому, что там Харри чувствовал себя рядом с пещерой дракона, из которой, если проявить терпение, чудовище обязательно вылезет. Ни Волер, ни его коллеги так и не появлялись. Тогда он вернулся к слежке за домом Волера.

Однажды ночью в двадцатиградусный мороз на пустой улице показался паренек в короткой легкой курточке. Шаткой походкой, выдающей наркомана, он прошел мимо машины Харри, остановился у дома Волера, посмотрел по сторонам и попытался вскрыть замок. Харри прекрасно понимал: вмешайся он — и его разоблачат, поэтому оставался в машине. Наверное, парень совсем туго соображал и плохо держался на ногах, потому что в какой-то момент его инструмент со звоном отлетел от замка, и наркоман рухнул в сугроб перед

домом. И не поднялся. В одном из окон зажегся свет. Волер отдернул занавески. Харри ждал. Ничего не происходило. Минус двадцать. У Волера — свет в окне. Паренек не двигался. Уже позже Харри спрашивал себя, что ему, черт возьми, нужно было делать?! Аккумулятор в телефоне сел на морозе, и он даже не мог вызвать «скорую». Он сидел. Шли минуты. Проклятый наркоман. Минус двадцать один. Чертов наркоман. Конечно, можно было бы уехать оттуда, добраться до больницы и сообщить о происшедшем. В дверях дома показался человек. Волер. Он смешно смотрелся в халате, сапогах, шапке и варежках. С собою он нес два шерстяных одеяла. Харри с удивлением наблюдал, как Том Волер проверяет пульс и зрачки наркомана, а затем заворачивает его в одеяла. Потом Волер долго стоял на пороге и смотрел в сторону Харри. Через несколько минут подъехала «скорая помощь».

В тот раз Харри, вернувшись домой, сел в кресло и всю ночь слушал рок-группу «Рага Рокерз» — свою, норвежскую, и американца Дюка Эллингтона, а потом пошел на работу, не переодеваясь уже в течение сорока восьми часов.

Первая ссора между ним и Ракелью случилась одним апрельским вечером.

Харри в последний момент отменил выезд на природу, и Ракель заметила, что он уже в третий раз подряд нарушает обещание. Обещание, данное Олегу, подчеркнула она. Харри заявил, что прикрываться Олегом непорядочно и на самом деле ей просто не нравится, что ее прихотям уделяют меньше внимания, чем поискам убийц Эллен. Она назвала Эллен привидением, сказала, что Харри заикнулся на мертвом человеке. Это ненормально и до добра не доведет, что это некрофилия и вообще — занимается он расследованием не ради Эллен, им движет жажда мести.

— Тебе нанесли рану, — закончила она, — и теперь ты всеми силами стараешься отомстить.

Когда Харри в отвратительном настроении выходил из комнаты, за лестничными перилами мелькнула пижама и испуганные глаза Олега.

После этого Харри вообще перестал заниматься чем-либо, что не касалось поиска убийц. Впотьмах читал чужую электронную почту, всматривался в черные окна домов и вилл, подкарауливая людей, которые так и не появлялись. Урывками спал в квартире на Софиес-гате.

Дни стали светлее и длиннее, а он так ничего и не нашел.

И как-то ночью вернулся детский кошмар. Сестрёныш. Ее поднимающиеся вверх волосы. Перекошенное болью лицо. Его собственная беспомощность. Следующей ночью кошмар пришел снова. И снова.

Друг детства, таксист Эйстен Эйкеланн, который, когда не крутил баранку, пил «У Малика», говорил, что на Харри лица нет, и даже предлагал возить его на работу и обратно. Харри отказался и из последних сил продолжал свою безумную гонку.

Оставалось только ждать, когда она приведет его в пропасть.

Земля стала осыпаться из-под ног из-за такой прозаической вещи, как неоплаченный счет. Стоял конец мая, Харри и Ракель уже несколько дней не разговаривали. Он проснулся в кабинете от ее телефонного звонка. Ракель сказала, что турагентство напоминает о плате за усадьбу в Нормандии. В их распоряжении была неделя, после чего турагентству придется перепродать право аренды другим клиентам.

— Крайний срок — пятница. — После этих слов она положила трубку.

Харри отправился в уборную, побрызгал лицо холодной водой и встретился взглядом со своим отражением в зеркале. Мокрый светлый «ежик», красные от лопнувших сосудов глаза,

темные мешки под ними, впалые щеки. Попробовал улыбнуться и увидел желтозубый оскал. Он сам себя не узнавал. Тут он понял: Ракель права. Это крайний срок. Для него и Ракели. Для него и Эллен. Для него и Тома Волера.

В тот же день он пошел к своему непосредственному начальнику, Бьярне Мёллеру — единственному человеку в полиции, которому он полностью доверял. Слушая рассказ Харри, Мёллер то кивал, то качал головой и в итоге сказал, что это дело, по счастью, не в его компетенции и Харри нужно идти напрямик к начальнику криминальной полиции. Но до этого десять раз подумать: а стоит ли? Харри, думая, вышел из квадратного кабинета Мёллера и направился к овальному, где работал начальник криминальной полиции. Постучался, зашел и выложил все свои козыри. Свидетеля, который видел Тома Волера и Сверре Ульсена вместе, и то, что именно Волер застрелил Ульсена при аресте. Все, что у него было после пяти месяцев мучений, погони за призраками, пяти месяцев на грани сумасшествия.

Начкрим спросил, какой, по мнению Харри, у Тома Волера был мотив, чтобы пойти на убийство Эллен Йельтен.

Харри ответил, что Эллен располагала опасной информацией. В тот вечер, когда ее убили, она оставила на автоответчике Харри сообщение о том, что знает, кто такой Принц, заправляющий контрабандой оружия и вооруживший преступников в Осло не хуже, чем солдат спецназа.

— Но, когда я ей перезвонил, к сожалению, было слишком поздно, — сказал Харри, пытаясь понять выражение лица собеседника.

— А на убийство Сверре Ульсена? — продолжал тот.

— Когда мы напали на след Ульсена, Принц убил его, чтобы он никому не рассказал, кто стоит за убийством Эллен.

— И вы говорите, что этот Принц...

— ...Том Волер, — уверенно произнес Харри.

Начкрим молча кивнул, потом добавил:

— Стало быть, один из самых уважаемых наших инспекторов.

Следующие десять секунд Харри казалось, что он в вакууме — ни воздуха, ни звуков. Он знал: здесь и сейчас его полицейская карьера может оборваться.

— Хорошо, Холле. Прежде чем принимать решение, мне бы хотелось поговорить с вашим свидетелем. — Начальник встал. — И надеюсь, вы понимаете, что с этого момента и впредь это дело должно оставаться между нами.

— Сколько мы будем здесь стоять?

От голоса таксиста Харри вздрогнул. Он уже почти спал.

— Поехали обратно, — сказал он и бросил последний взгляд на деревянный дом.

Когда они ехали по Киркевейен, зазвонил мобильный телефон. Говорила Беата:

— Кажется, нашли оружие. Ты был прав. Пистолет.

— Что ж, поздравляю нас обоих.

— Спасибо... Найти его было нетрудно. Лежал в мусорной корзине под мойкой.

— Марка и номер?

— «Глок-двадцать три». Номер сточен.

— Следы остались?

— Такие же, как на большей части оружия, конфискованного нами в Осло.

— Ясно, не читается. — Харри переложил телефон в левую руку. — Неясно только, зачем ты мне все это рассказываешь. Я этим делом не занимаюсь.

— Я бы не говорила с такой уверенностью, Харри. Мёллер сказал...

— Мёллер и вся вонючая полиция Осло могут проваливать к дьяволу!

Харри сам вздрогнул от звука своего голоса и увидел в зеркале, как нахмурился таксист.

— Извини, Беата. Я... Ты еще там?

— Да.

— Я сейчас немного не в себе.

— Ничего, не горит.

— Что?

— Дело может подождать.

— Рассказывай давай.

Она вздохнула:

— Ты заметил у Камиллы Луен шишку чуть ниже правой брови?

— Да, конечно.

— Я подумала: возможно, ее ударил убийца или она сама ударилась при падении. Но оказалось, никакой шишки не было!

— Как так?

— Патологоанатом потрогал ее, она такая твердая! Потом он сунул палец под веко. И знаешь, что он нашел?

— Ну... — протянул Харри. — Нет...

— Маленький красноватый драгоценный камень в форме звезды. Мы полагаем, бриллиант. Что ты на это скажешь?

Харри глубоко вздохнул и посмотрел на часы. До закрытия бара оставалось целых три часа.

— Что я этим делом не занимаюсь, — сказал он и выключил телефон.

«Сухо, но я вижу, как полицейский выходит из-под воды. Вода для жаждущих. Дождевая вода, речная вода, морская вода.

Он меня не заметил. Качаясь, он вышел на Уллеволсвейен и там пытался остановить такси. Никто не хотел его сажать. Как лодочник — беспокойную душу, которая бродит вдоль берега реки. Да, и я знаю — каково это, когда тебя отталкивают те, кто тебе дорог. Когда нужна поддержка, а получаешь отказ. Когда понимаешь, что все вокруг на тебя плюют, а тебе — не на кого плюнуть. И постепенно догадываешься о том, что же тебе нужно делать».

Харри зашел в магазин, открыл стеклянную дверь молочного отдела и прислонился к ней. Стащил потную футболку и закрыл глаза, ощущая кожей прохладный воздух.

Синоптики предсказывали тропическую жару этой ночью, и люди в магазине запасались мясом для гриля, пивом и минеральной водой.

У мясных полок спиной к Харри стояла женщина. Он сразу узнал ее по цвету волос и пышным формам. Когда она обернулась, Харри увидел, что на ней топик, по расцветке напоминающий зебру, но столь же обтягивающий, как тот, леопардовый. Вибекке Кнутсен подумала, положила коробки с бифштексами обратно, вместе с тележкой перешла к холодильнику и достала оттуда две упаковки трескового филе.

Харри надел футболку и закрыл стеклянную дверь. Молока ему не хотелось. И мяса. И трески тоже. Ему хотелось чего-нибудь простого — совсем немного, лишь бы это можно было съесть. Нет, он не был голоден, но желудок требовал еды. Он начал ныть еще прошлым вечером, и по опыту Харри знал, что, если сейчас чего-нибудь не съесть, он не удержит в себе ни капли спиртного. Сейчас в тележке лежал пеклеванный хлеб и пакет из «Винной монополии»^[7] через дорогу. Он добавил к этому полцыпленка, шесть упаковок пива «Ганза», безразлично продефилировал мимо фруктового отдела и оказался в очереди на кассу прямо за Вибекке Кнутсен. Не нарочно, но, возможно, и не совсем случайно.

По-прежнему не замечая Харри, она обернулась, наморщила нос, как будто почувствовала какой-то неприятный запах (чего Харри исключить не мог), и попросила у кассирши два блока легких сигарет «Принс».

— А мне сказали, у вас там не курят.

Вибекке повернулась, с удивлением посмотрела на него и подарила ему три разные улыбки. Первая была быстрой, автоматической. Вторая — из тех, что возникают, когда мы встречаем знакомых. А когда касса осталась позади, появилась и третья улыбка — любопытная.

— Вы, я погляжу, решили устроить себе пир, — сказала Вибекке, пытаясь утрамбовать покупки в один пластиковый пакет.

— Вроде того, — пробормотал Харри и улыбнулся в ответ.

Она слегка наклонила голову набок, полоски на топике дрогнули.

— Много гостей?

— Не много, но все незваные.

Кассирша протянула ему сдачу, но он кивнул на копилку Армии спасения.

— А им нельзя указать на дверь? — Улыбка Вибекке теперь заиграла и в ее глазах.

— Ну-у... Как раз таких гостей выдворить не так-то легко.

Бутылки «Джима Бима» весело звякнули об упаковку «Ганзы».

— Да? Старые товарищи-собутыльники?

Харри посмотрел на нее. Кажется, она действительно хотела узнать, в чем дело. Это было для него тем более удивительно, что она, как ему показалось, жила вместе с таким правильным мужчиной. Вернее, такой правильный мужчина жил с ней.

— У меня нет товарищей, — сказал Харри.

— Стало быть, дама. И, наверное, из назойливых?

Ему захотелось открыть перед нею дверь, но та открывалась автоматически.

Удивительно, но Харри этого не помнил, хотя покупал здесь продукты несколько лет подряд.

Они вышли на улицу и теперь стояли друг напротив друга.

Харри не знал, что ответить, поэтому сказал правду:

— Три дамы. Иногда они приходят, если я недостаточно выпью.

— Что-что? — Она прикрыла глаза ладонью от солнца и посмотрела на него.

— Ничего, извините. Просто мысли вслух. То есть мыслями это не назовешь... но все равно вслух. Наверное, я болтун. Мне... — Он не понимал, почему Вибекке до сих пор не ушла.

— Они у нас все выходные по лестнице туда-сюда бегали, — сказала она.

— Кто? — удивился Харри.

— Да полиция.

До Харри медленно дошло, что с того дня, когда он был в квартире Камиллы Луен, прошли суббота и воскресенье. Он попытался найти свое отражение в витрине магазина. Суббота и воскресенье? На кого же он сейчас похож?

— Вы, полицейские, нам ничего не рассказываете, — продолжала Вибекке, — а в газетах пишут только, что у вас пока нет никаких зацепок. Это так?

— Я этим делом не занимаюсь, — ответил Харри.

— А, ну да. — Вибекке Кнутсен кивнула и снова заулыбалась. — А знаете что?

— Что?

— На самом деле ничего страшного.

Пару секунд Харри соображал, что она имеет в виду. Потом засмеялся и зашелся жутким кашлем.

— Забавно, я вас раньше в этом магазине не видел, — сказал он, отдышавшись.

Вибекке пожала плечами:

— Кто знает? Может, мы скоро опять встретимся?

Она наградила его лучезарной улыбкой и пошла домой. Пластиковые пакеты и ее пышные формы покачивались из стороны в сторону.

«Ты, я и африканский зверь» — эта мысль показалась Харри такой громкой, что он испугался, не произнес ли он ее вслух.

У входной двери дома на Софиес-гате сидел мужчина. Пиджак он перекинул через плечо. Рубашка темнела пятнами пота на груди и под мышками. Одной рукой мужчина держался за живот. Увидев Харри, он встал.

Харри задержал дыхание и собрался с силами. Это был Бьярне Мёллер.

— О господи, Харри!

— О господи, шеф!

— Знаешь, как ты выглядишь?

Харри достал ключи и ответил вопросом на вопрос:

— Вы считаете, я не в лучшей форме?

— Тебя же попросили помочь нам с расследованием на выходных! А от тебя ни слуху ни духу. И на работу сегодня не вышел.

— Проспал, шеф. Это, кстати, не так далеко от истины, как вы думаете.

— Может, и предыдущие четыре недели ты тоже проспал? До того, как я тебя вызволил в прошлую пятницу?

— Ну, уже на вторую неделю туман рассеялся. Я позвонил на работу, но мне сказали, что я значусь в отпуске. Полагаю, это ваших рук дело.

Харри начал подниматься по лестнице, за ним по пятам следовал начальник.

— Мне пришлось, — простонал Мёллер, снова хватаясь за живот. — Четыре недели, Харри!

— Хм... Наносекунда по вселенским масштабам.

— И ни единого слова о том, где ты пропадаешь!

Харри не без труда вставил ключ в замок:

— Сейчас услышите.

— Что именно?

— Единое слово о том, где я пропадаю. Здесь. — Харри распахнул дверь квартиры, и их обдало кисловато-сладковатой вонью старого мусора, пива и сигаретных окурков. — Вам было бы легче, если б вы это знали?

Он вошел внутрь. Мёллер и тут последовал за ним, хотя и не без колебаний.

— Можете не разуваться, шеф! — крикнул Харри из кухни.

Мёллер тяжело вздохнул и постарался пройти через комнату так, чтоб не наступить на разбросанные по полу пустые бутылки, переполненные пепельницы и виниловые пластинки.

— Ты что же, Харри, хочешь сказать, что все эти четыре недели ты сидел тут ипил?

— Я делал перерывы, шеф. Долгие перерывы. Я ведь в отпуске, верно? На прошлой неделе я практически капли в рот не взял.

— У меня плохие новости, Харри! — крикнул Мёллер, открывая оконную защелку. Ему пришлось трижды навалиться всем телом на раму, прежде чем окно открылось. Он снова охнул и расстегнул ремень и верхнюю пуговицу на брюках. Обернувшись, он увидел в дверях Харри с открытой бутылкой виски в руке.

— Что за новости? — Харри посмотрел на расстегнутый ремень. — Пороть меня пришли? Или насиловать?

— Живот болит, — пожаловался Мёллер. — Несварение желудка.

— Хмм... — Харри понюхал горлышко бутылки. — Несварение желудка — это занятно. Я и сам маялся животом, поэтому почитал кое-какую ли-тературку по этому вопросу. Переваривание пищи занимает от двенадцати до двадцати четырех часов. У всех. И пища проходит через ваши внутренности не дольше, а просто больше.

— Харри...

— По стаканчику, шеф? Пахнет вроде как настоящее.

— Я пришел, чтобы сказать: «Все, Харри! Стоп!»

— Завязали? — с интересом спросил Харри.

— Заткнись! — Мёллер ударил по столу так, что пустые бутылки подпрыгнули. Потом он осел в зеленое кресло и провел рукой по лицу. — Много раз, Харри, я рисковал своей должностью, чтобы спасти твою. Но ведь есть люди, которые для меня ближе, чем ты. Это о них я должен заботиться. Все, Харри. Больше я тебе помогать не смогу.

— А-а... — Харри плюхнулся на диван и налил виски в ближайший стакан. — О помощи я вас не просил, шеф, но все равно спасибо. За все хорошее. Ваше здоровье!

Мёллер глубоко вздохнул и закрыл глаза.

— Знаешь что, Харри? Иногда ты ведешь себя, как самый наглый, эгоистичный и тупой

в мире мешок с дерьмом, — с обидой сказал он.

Харри пожал плечами и залпом осушил стакан.

— Я написал приказ о твоей отставке.

Харри налил себе еще.

— Он лежит на столе начальника криминальной полиции. Не хватает только его подписи. Ты понимаешь, что это значит, Харри?

Харри кивнул и поинтересовался:

— Вам точно не налить перед уходом, шеф?

Мёллер встал. В двери он обернулся:

— Ты не представляешь, как мне больно видеть тебя таким, Харри. Ракель и эта работа — вот и все, что у тебя было. Сначала ты не сумел удержать Ракель. А теперь — работу.

«Я потерял и то и другое четыре недели назад», — подумал Харри, и эта мысль набатом отдалась в его голове.

— Мне действительно больно, Харри. — И дверь за Мёллером закрылась.

Сорок пять минут спустя Харри уже спал в кресле. Да, гости к нему пришли. Но не три дамы, а начкрим.

Четыре недели и три дня назад начальник криминальной полиции сам предложил устроить встречу в «Боксере», приюте блаженных бражников. Под самым носом Главного управления и в двух шагах от грязных задних дворов со сточными канавами. Только он сам, Харри и Рой Квинсвик. Объяснив это тем, что, покуда не принято никакого решения, действовать лучше по возможности неофициально, чтобы у него всегда был путь к отступлению.

О таком пути для Харри он не говорил.

Харри опоздал в «Боксер» на четверть часа. Начкрим сидел за одним из дальних столиков с бокалом пива. Когда Харри подсел к нему, он кожей почувствовал его тяжелый взгляд. Глубоко посаженные голубые глаза сверкали по обе стороны от узкой аристократической переносицы. У начальника были густые седые волосы, прямая осанка и поджарая фигура — насколько позволял возраст. В общем, он был из особой породы шестидесятилетних стариков — сложно поверить в то, что они когда-нибудь будут выглядеть по-настоящему старыми. В криминальном отделе его называли Президентом: не только из-за овального кабинета, но и потому, что разговаривал он как глава государства, особенно в официальной обстановке. Но сейчас обстановка была «по возможности неофициальной». Начальник криминальной полиции открыл безгубый рот и спросил:

— Вы один?

Харри заказал официанту минеральную воду «Фаррис», взял со стола меню, изучил первую страницу и как можно беззаботнее бросил:

— Он передумал.

— Ваш свидетель передумал?

— Да.

Начкрим медленно тянул пиво из бокала.

— Он был готов выступать свидетелем в течение пяти месяцев, — добавил Харри. — Мы с ним говорили еще позавчера. Как вы думаете, свиные рульки тут ничего?

— Что он сказал?

— Мы договорились, что сегодня я заберу его после службы в Филадельфийском приходе. А когда я туда пришел, он сказал, что передумал. Он понял: в машине со Сверре

Ульсенем сидел все-таки не Том Волер.

Собеседник посмотрел на Харри. Потом резким движением вскинул левую руку и взглянул на часы, что, как понял Харри, означало завершение встречи.

— Тогда нам остается только предполагать, кого именно видел в машине ваш свидетель. Что скажете, Холле?

Харри сглотнул, посмотрел на меню:

— Рульки. Пожалуй, все же свиные рульки.

— Извините, мне пора. Запишите на мой счет.

Харри выдавил смешок:

— Вы очень любезны, шеф. Не буду лукавить, у меня было неприятное предчувствие, что мне грозит остаться тут наедине с меню.

Начкрим нахмурился и с раздражением в голосе ответил:

— Позвольте и мне не лукавить с вами, Холле. Всем известно, что вы с инспектором Волером на дух друг друга не переносите. В тот самый момент, когда вы представили мне свои высосанные из пальца обвинения, у меня возникло подозрение, что на ваши доводы сильно повлияла личная антипатия. И это подозрение, насколько я понял, полностью подтвердилось. — Начальник криминальной полиции отодвинул бокал от края стола, встал и застегнул пиджак. — Посему, Холле, скажу вам кратко и, надеюсь, ясно. Убийство Эллен Йельтен раскрыто, а дело — закрыто. Ни вы, ни кто-либо еще не представили достаточных оснований для нового расследования. Если вы еще раз вернетесь к этому делу, это будет нарушением приказа и я без колебаний подпишу бумагу о вашей отставке. И не потому, что я сквозь пальцы смотрю на преступников в наших рядах, а потому, что мой долг — поддерживать рабочую обстановку и не допускать, чтобы личные отношения влияли на служебные. Нам не нужны те, кто на пустом месте наводит панику. Если я еще раз узнаю о ваших обвинениях против Волера, вас немедленно отстранят от должности и дело передадут в ОСО.

— Какое дело? — глухо спросил Харри. — Волер против Йельтен?

— Холле против Волера.

Начальник ушел, а Харри продолжал сидеть и смотреть на полупустой бокал. Да, он мог послушаться приказа, но это ничего бы не изменило. Он уже готов. Он проиграл и теперь превратился в угрозу для своих. Предатель-параноик, часовая бомба, от которой предпочтут избавиться при первой возможности. Стоит только Харри дать повод.

Официант принес бутылку «Фарриса» и спросил, не будет ли он заказывать что-нибудь из еды или напитков. Харри облизнул пересохшие губы... Стоит только дать повод, и все покатится, увеличиваясь в размерах, как снежный ком с горы.

Он отодвинул «Фаррис» в сторону и ответил официанту...

Четыре недели и три дня назад все началось. И закончилось.

Во вторник температура воздуха в Осло поднялась до двадцати девяти градусов в тени, и уже в три часа народ повалил из офисов на пляжи Хука и Вервенского залива. Толпы туристов собирались в кафе под открытым небом на Акер Брюгге и в Фрогнер-парке^[8], где они, обливаясь потом, делали непременно фото Монолита, после чего спешили к фонтану, надеясь, что ветер окатит их освежающим душем из водяных брызг.

В остальном же городская жизнь протекала тихо и напоминала замедленную съемку: раздетые по пояс дорожные рабочие склонились над своей техникой, строители на лесах на старом здании Государственной больницы смотрят на пустые улицы, таксисты, собравшись в теньке, болтают об убийстве на Уллеволсвейен. Признаки активной жизни подавала только Акерсгата, где поставщики сенсаций давали волю своему насмешливому стилю и с воодушевлением терзали пока еще свежее убийство. Многие штатные газетчики были в отпусках, и редакторы бросили на это дело всех: от студентов-журналистов на летней подработке до скучающих сотрудников из политического отдела. Только обозревателей культуры никто не трогал. Но все равно было спокойнее, чем обычно. Может быть, потому что «Афтенпостен» переехала с богатой традициями улицы газетчиков в центр, раскидав конторы в убогих провинциальных небоскребах, скребущих и без того чистое небо.

Город воодушевленно разворачивал большое строительство в районе Бьёрвика, но у ведущего криминальной хроники Рогера Иендема из кабинета открывался вид только на Плату — рынок наркоманов на задворках чудесного нового мира. Он поймал себя на том, что нет-нет да ищет там глазами Томаса. Но Томас сидел сейчас в Уллерсму — отбывал наказание за попытку вторжения в дом полицейского этой зимой. Но стоило ли по этому поводу расстраиваться? Теперь хотя бы Рогер перестал бояться, что однажды увидит младшего брата погибшим от передозировки.

В «Афтенпостен» не торопились с назначением нового редактора, после того как старый согласился уйти по сокращению штата, и попросту поручили криминальную хронику отделу новостей. В действительности это означало, что Рогеру Иендему пришлось за ту же зарплату взвалить на себя и редакторские обязанности. Сейчас он сидел за столом, положив пальцы на клавиатуру, и пристально вглядывался в лицо женщины, фотографию которой недавно сделал фоном для рабочего стола. Эта женщина вот уже в третий раз собрала вещи и оставила и его, и квартиру на Сейльдукс-гате. Он знал, что на этот раз Деви не вернется, и пора идти дальше. Он зашел в настройки экрана и сменил фоновый рисунок. Для начала.

По распоряжению начальства Рогеру нужно было отложить текущий сюжет про героин. И хорошо: писать про наркотики ему никогда не нравилось. Деви утверждала, что это из-за Томаса. Рогер постарался на время забыть и о ней, и о младшем брате и сосредоточиться на порученном сюжете. Ему надо было написать статью об убийстве на Уллеволсвейен, а там, глядишь, наметится развитие, новые повороты, появятся подозреваемый или подозреваемые. Работа обещала быть легкой: все указывало на сексуальную подоплеку, а детали — просто клад для журналиста! Молодая незамужняя женщина двадцати восьми лет застрелена дома, в собственном душе, в пятницу, среди бела дня. Орудием убийства, скорее всего, был пистолет,

обнаруженный в мусорном ведре в той же квартире. Соседи ничего не видели, посторонних в доме не замечено, и лишь один из жильцов считает, что слышал что-то вроде выстрела. Поскольку ничто не указывает на ограбление, полиция придерживается версии, что Камилла Луен сама впустила преступника, однако никто из ее знакомых не вызывает серьезных подозрений, так как у всех — более или менее хорошее алиби. Камилла Луен, автор текстов в рекламном агентстве «Лео Бурнетт», в тот день уехала с работы в четверть пятого, а в шесть у нее была назначена встреча с двумя подругами в Доме художников, что делает маловероятным предположение, будто она пригласила кого-то к себе в гости. Маловероятно и то, что кто-то позвонил Камилле Луен с улицы и попросил впустить, представившись чужим именем: над звонками установлена камера наблюдения.

И если заголовков «Психоделическое убийство» или «Сосед почувствовал вкус крови» окажется недостаточно, про запас имелись некоторые подробности, которые еще на пару дней обеспечат живое любопытство читателей. У Камиллы Луен отрезан указательный палец на левой руке, а под веком найден красноватый бриллиант-звездочка.

Рoger Йендем начал статью с исторического вступления — для большего драматизма, но потом решил, что материал этого не требует, и уничтожил написанное. Некоторое время он сидел, обхватив голову руками, потом дважды щелкнул по значку «Корзина», навел мышку на пункт «Очистить» и замер в нерешительности. Эта фотография — последняя память о Деви. Из квартиры он убрал все, что могло о ней напомнить, даже выстирал свитер, который она у него иногда брала, — он любил надевать его из-за запаха ее духов.

— Прощай, — шепотом сказал Рoger и нажал на кнопку. Потом вернулся к статье. Решил заменить «Уллеволсвейен» на «Кладбище Христа Спасителя» — лучше звучало. И начал писать. На этот раз все получилось отлично.

К семи вечера народ потянулся с пляжей домой — весьма неохотно. В безоблачном небе по-прежнему жарко пылало солнце. Еще в девять люди в солнечных очках пили пиво в уличных кафешках, оставляя скучать без дела официантов душных ресторанов. В полдесятого солнце скрылось за алеющим Уллерном, но долгожданная прохлада так и не наступила. Люди возвращались домой. Еще одна тропическая ночь обещала бессонницу и насквозь пропотевшие простыни.

Рабочий день на Акерсгата заканчивался, в редакции решили в последний раз обсудить первую страницу От полиции новостей не было. Вряд ли они что-то скрывали, скорее всего, им попросту нечего было сказать. Но с другой стороны, молчание открывало простор для домыслов. Самое время проявить творческий подход.

Примерно в это же время в Оппсале в желтом деревянном доме с яблоневым садом раздался звонок. Беата Лённ протянула руку к телефону и подумала, не проснулась ли этажом ниже мама. Наверняка проснулась от звонка.

— Спала? — спросил хриплый голос.

— Нет, — ответила Беата. — А что такое?

— Я только что встал.

Беата села на кровати:

— И как дела?

— Ну что я тебе могу сказать? Плохо — вот что я скажу. — Пауза. Голос Харри казался глухим и далеким, и Беата понимала, что причина не в телефонной связи. — Что нового по

уликам?

— Только то, что в газетах, — сказала она.

— А что в них?

Она вздохнула:

— Да ты и так знаешь. Мы собрали в квартире отпечатки пальцев и ДНК, но пока не нашли ничего, что могло бы помочь в поисках убийцы...

— Преступника, — поправил Харри.

— Преступника, — зевнув, согласилась Беата.

— Выяснили, откуда бриллиант?

— Работаем. Мы проконсультировались у ювелиров: красные бриллианты не редкость, но у нас в стране их не так много. Они сомневаются, что это работа норвежского мастера. А если камень заграничный, то и преступник, возможно, не наш соотечественник.

— Хмм...

— Что такое, Харри?

Он откашлялся, прежде чем ответить:

— Пытаюсь быть в курсе событий.

— В прошлый раз ты заявил, что этим делом не занимаешься.

— Ну, не совсем так.

— Скажи откровенно, что тебе нужно?

— Ну, я проснулся из-за того, что увидел кошмар...

— Мне приехать и побаюкать тебя?

— Нет. — Снова пауза. — Мне снилась Камилла Луен. И ваш бриллиант.

— И что?

— Я, кажется, кое-что понял.

— Ну же!

— Я, правда, не уверен... Но, знаешь, в старые времена покойникам перед погребением клали на глаза монеты.

— Не слышала.

— Чтобы заплатить лодочнику, который перевозит души через Стикс, реку мертвых. Если душа не могла переправиться на другой берег, она не обретала покоя. Поразмысли над этим.

— Спасибо за совет, Харри, но я в загробную жизнь и привидения не верю.

Харри не ответил.

— Еще что-то? — поинтересовалась Беата.

— Один вопросик. Слыхала, что начкрим на этой неделе ушел в отпуск?

— Конечно.

— Может, ты знаешь и когда он вернется?

— Через три недели. А ты?

— Что я?

Беата услышала в трубке щелчок зажигалки и вздохнула:

— Когда ты вернешься?

Она услышала, как Харри на том конце затянулся, задержал дыхание и медленно выдохнул. Потом ответил:

— А я думал, ты в привидения не веришь.

Примерно в то же время, как Беата положила трубку, в своей квартире от колик проснулся Бьярне Мёллер. До шести часов он лежал и корчился в постели, потом встал, медленно позавтракал без кофе — и сразу почувствовал себя лучше. А когда он в начале девятого пришел на работу, боли — к его удивлению — исчезли совсем. Добравшись на лифте до кабинета, он с блаженством закинул ноги на стол, выпил кофе и стал изучать свежие газеты.

На первой странице «Дагбладе» под заголовком «Тайный любовник?» красовалась фотография улыбающейся Камиллы Луен. Той же фотографией встречал читателей и «Вердене Ганг», но название статьи было: «Жертва ревности». Из всех газет по-настоящему интересовалась правдой только «Афтенпостен» в обзорной статье о преступлении.

Мёллер покачал головой, посмотрел на часы и набрал номер Тома Волера, который только-только должен был закончить утреннюю планерку со следственной группой.

— Нет, сдвигов пока никаких, — отозвался Волер. — Расспросили соседей и всех продавцов в близлежащих магазинах. Проверили такси, которые в указанное время были поблизости. Поговорили с осведомителями и проверили алиби старых знакомых с сомнительным прошлым. Но, так сказать, откровенных подозреваемых у нас нет. Честно говоря, мне не кажется, что это кто-то из старых знакомых. Признаков сексуального насилия нет, деньги и ценности на месте, и почерк незнакомый. Взять хотя бы палец и бриллиант...

У Мёллера в животе заурчало. Он надеялся, что это от голода.

— А хорошие новости у тебя есть?

— Полицейский участок в Майорстуа выделил нам троих сотрудников, так что в нашей группе теперь десять человек. Сотрудники Крипос согласились помочь Беате разобраться с предметами, найденными в квартире. Мы собрали хорошую команду, учитывая, сколько народу в отпусках. Ну, как новость?

— Спасибо, Волер, будем надеяться, все наладится.

Мёллер положил трубку и через плечо бросил взгляд в окно, намереваясь вернуться к газетам. Но так и остался сидеть, неудобно вывернув шею и глядя на газон перед зданием, потому что увидел, как со стороны Грэнланнслейр появилась знакомая фигура и медленно, но целеустремленно направилась в сторону Главного управления полиции.

Мёллер встал, вышел в коридор и крикнул Йенни, чтобы та принесла ему еще одну чашку кофе. Потом вернулся в кабинет и спешно достал из ящика стопку старых бумаг.

Через три минуты в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Мёллер, деловито рассматривая двенадцатистраничное заявление от гражданина, который обвинял ветеринарную клинику на Шиппер-гате в неправильном лечении, повлекшем за собой смерть двух его чау-чау.

Дверь открылась, и Мёллер рукой изобразил жест «ну проходите, проходите», продолжая изучать страницу, где подробно описывался экстерьер собак, их удивительные таланты и перечислялись награды с выставок.

— А, это ты! — поднял-таки взгляд Мёллер. — Я думал, мы тебя уволили.

— Хм... Моя отставка лежит неподписанной на столе у начальника криминальной полиции, и, пока она там, нам придется иногда встречаться. Или вы против, шеф? — Харри налил себе кофе и с чашкой, обогнув стол Мёллера, подошел к окну. — Но это не означает, что я буду заниматься делом Камиллы Луен.

Бьярне Мёллер обернулся и посмотрел на Харри. Он и раньше не раз видел, как Холе, еще вчера лежавший на смертном одре, на следующий день заявлялся на работу

красноглазым Лазарем. Но все равно — до сих пор удивлялся.

— Харри, если ты думаешь, что про отставку я пошутил, то ошибаешься. На этот раз я не предупреждаю, а сообщаю: это окончательное решение. Все прошлые разы, когда ты нарушал инструкции и правила, я за тебя заступался, но сейчас брать на себя ответственность я уже не могу. — Бьярне Мёллер поискал в глазах Харри хоть тень мольбы и не нашел. К счастью. — Вот так, Харри. Все, конец.

Тот не ответил.

— Да, пока не забыл. Стандартная процедура: зайди в оружейку, сдай все железки, что на тебе числятся, — попросил начальник.

Харри кивнул. Мёллер внимательно вглядывался в его лицо, но так и не увидел того, что ожидал. А пытался он разглядеть удивленного мальчишку, которому только что отвесили подзатыльник. Мёллер потрогал нижнюю пуговицу рубашки. Да, разобраться в Харри непросто.

— Если думаешь, что с пользой проведешь здесь последние недели, я не возражаю — приходи. От должности тебя не отстранили, зарплату за этот месяц все равно получишь. Да и что у тебя есть, кроме работы...

— Хорошо, — безразлично ответил Харри и встал. — Пойду посмотрю, на месте ли еще мой кабинет. Нужна будет помощь — только скажите, шеф.

Бьярне Мёллер натужно улыбнулся:

— Спасибо за заботу, Харри.

— Например, с этими вашими чау-чау, — предложил Харри, тихо закрывая за собой дверь.

Харри стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на рабочий кабинет, который он делил со следователем Халворсеном. Его аккуратно прибранный стол — сейчас Халворсен был в отпуске — стоял вплотную к столу Харри. Над сейфом висела фотография Эллен Йельтен — еще с тех пор, когда вместо Халворсена здесь была она. Другую стену почти целиком закрывала карта Осло, где кнопками и надписями было обозначено, где в ночь убийства находились Эллен, Сверре Ульсен и Рой Квинс-вик. Харри подошел к стене, посмотрел на карту, резким движением сорвал ее и положил на полку в сейф. Достал из кармана пиджака фляжку, сделал быстрый глоток и прислонился лбом к прохладной металлической поверхности.

Больше десяти лет он проработал в этом кабинете. Номер шестьсот пять — самый маленький кабинет в красной зоне шестого этажа. Даже когда было принято блестящее решение сделать его инспектором, Харри отказался переезжать. В шестьсот пятом не было окон, но именно отсюда он воспринимал мир. На этих десяти квадратных метрах он учился работать, отмечал свои победы и переживал поражения, посвящая всю свою жизнь изучению человеческой природы. Он попытался вспомнить, чем еще он занимался в последние десять лет. Что-то же должно было быть. Обычно люди работают по восемь часов в сутки, ну, не больше двенадцати. А ведь были и выходные.

Харри сел на свое расшатанное кресло, оно радостно скрипнуло. Давненько он не сидел на нем!

Без пятнадцати шесть Бьярне Мёллер уже обычно был дома, с женой и детьми. Но поскольку они гостили у бабушки, он решил эти тихие деньки посвятить разбору

скопившихся бумаг. Убийство на Уллеволсвейен несколько нарушило его планы, но сегодня он решил наверстать упущенное.

Когда позвонили из кол-центра, Мёллер не без раздражения ответил, что звонят они не по адресу и пропавшими занимается не криминальный отдел, а дежурная часть.

— Извините, Мёллер, в дежурной части никого нет, все в Грефсене, на пожаре. А заявитель уверен, что в этом исчезновении есть что-то криминальное.

— У нас кто не разъехался по домам, работает над убийством на Уллеволсвейен. А значит... — Он осекся. — Хотя нет! Погодите-ка...

Водитель нехотя нажал на тормоз, и машина остановилась перед светофором на площади Александра Кьелланда.

— Или поедем с мигалкой и визжалкой? — спросил он, оборачиваясь к заднему сиденью.

Харри отрешенно покачал головой, глядя на парк. Когда-то этот парк был простым газоном с двумя скамейками, на которых обитали друзья «зеленого змия», перекрикивающие шум движения песнями и руганью. Но пару лет назад на площади имени писателя решили навести порядок. За несколько миллионов парк вычистили, добавили зеленых насаждений, положили асфальт, устроили дорожки для прогулок и даже оборудовали миленький каскадный фонтан. Без сомнения, такой парк еще больше располагал к песням и ругани.

Машина повернула направо, к Саннер-гате, проехала мост через Акерсельву и остановилась у дома, указанного Мёллером.

Сказав водителю, что обратно он доберется сам, Харри вышел из машины и огляделся. Через дорогу находилось новое офисное здание, пока оно пустовало и, если верить газетам, обещало пустовать еще долго. Его окна отражали табличку с нужным Харри адресом на белом, недавно отремонтированном доме, построенном в стиле, чем-то напоминающем функционализм. Фасад уже был щедро украшен граффити. На автобусной остановке неподалеку Харри увидел темнокожую девушку, она стояла, скрестив руки на груди, жевала резинку и разглядывала рекламный плакат «Дизеля» на другой стороне улицы.

Отыскав нужное имя у верхнего звонка, Харри представился и пошел вверх по лестнице. Человек, который вышел его встречать, выглядел весьма примечательно: черная борода, буйная шевелюра, лицо цвета красного бургундского вина и подходящего цвета рубаха, которая доходила до сандалий на босых ногах.

— Хорошо, что вы так быстро приехали, — сказал он, протягивая Харри свою лапищу.

Только так ее и можно было назвать: кисть Харри утонула в ладони мужчины, который представился как Вилли Барли.

В ответ Харри назвал свое имя и попытался выдернуть руку. Физических контактов с мужчинами он не любил, а это рукопожатие тянуло на объятия. Но Вилли Барли вцепился в него как в спасительную соломинку.

— Лисбет пропала, — произнес он срывающимся, на удивление высоким голосом.

— Нам сообщили, Барли. Можно пройти?

— Пошли.

Следуя за ним, Харри оказался в еще одной мансарде. Но если в маленьком жилище Камиллы Луен господствовал минимализм, в этом — не в пример большем — хозяин пытался воссоздать дух неоклассицизма, но делал это так усердно, что гостиная стала походить на интерьер для вечеринки в античном стиле. Вместо стульев здесь были лежа, словно из голливудской версии Древнего Рима. Деревянные балки украшала лепнина, придавая им вид дорических и коринфских колонн. Их Харри так и не научился различать, зато сразу узнал рельеф на стене в коридоре — «Ясон с Золотым руном» Бертеля

Торвальдсена. Он видел его в детстве, когда с мамой и Сестрёнышем ездил в музей в Копенгагене. Очевидно, квартиру совсем недавно отремонтировали: Харри заметил свежую побелку, даже почувствовал запах раствора.

В гостиной был накрыт стол на двоих. Вилли провел гостя дальше, на крышу, на большую, выложенную плиткой террасу, выходящую во внутренний двор, образованный стенами четырех соседних домов. Античность здесь ничто не напоминало — обычная норвежская терраса. На гриле дотлевали какие-то угли.

— Вечером в мансардах так душно, — извиняющимся тоном сказал Барли, предлагая Харри пластиковый стул рококо.

— Я заметил. — Харри подошел к краю площадки и глянул вниз, во двор.

Высоты он обычно не боялся, но после длительных запоев у него даже от скромных высот начинала кружиться голова. Харри успел различить два старых велосипеда, развевающуюся на ветру белую простыню и быстро отвел взгляд.

Напротив, через двор, на балконе с черной железной решеткой, за столом, заставленным темными пивными бутылками, сидели двое молодых мужчин. Увидев Харри, они приветственно подняли бокалы, он кивнул в ответ и подумал: «Как странно, что внизу ветер, а здесь — нет».

— Бокал красного вина? — Барли уже начал наливать себе из початой бутылки. Харри заметил, что руки у него дрожат. На бутылке красовалась надпись: «Domaine La Bastide Sy...» Название должно было быть длиннее, но нервные пальцы уже успели отодрать кусок этикетки.

Харри присел:

— Спасибо, я не пью на работе.

Барли скривился и со стуком поставил бутылку на стол.

— Конечно. Простите меня, я просто не в себе. Господи, да и мне сейчас лучше бы не пить.

Он поднес стакан к губам и начал громко глотать, роняя на рубашу капли, которые расплзались по ней темными пятнами.

Харри посмотрел на часы, давая Барли понять, что надо бы поторопиться.

— Она хотела только дойти до магазина, купить картофельного салата для котлет — Барли с трудом переводил дыхание. — Всего два часа назад она сидела на вашем месте.

Харри поправил солнечные очки.

— Ваша жена отсутствует всего два часа?! — с удивлением спросил он.

— Да-да, знаю, это не так долго, но она собиралась дойти до магазина «Киви» за углом и тут же обратно.

На балконе напротив сверкнула следующая бутылка. Харри провел рукой по лбу, посмотрел на мокрые пальцы и задумался, обо что бы вытереть пот. Впрочем, стоило положить руку на раскаленный пластиковый подлокотник — влага моментально испарилась.

— Вы звонили друзьям и знакомым? Были в магазине, разговаривали с продавцом? Может, она с кем-то встретилась и решила выпить пива. Может...

— Нет, нет, нет! — Барли вытянул перед собой руки с растопыренными пальцами. — Она не могла! Она не из таких.

— Не из каких?

— Она из тех... которые возвращаются.

— Ну...

— Сначала я позвонил ей на сотовый, но она, конечно, оставила его здесь. Потом друзьям, которых она могла бы встретить. Потом в магазин, Главное управление полиции, в три полицейских участка, Уллеволскую больницу и Государственный госпиталь, обзвонил все отделения неотложной помощи. Ничего. Nothing. Rien^[9].

— Понимаю, Барли, вы нервничаете.

Барли наклонился над столом и произнес дрожащими, мокрыми от вина губами:

— Я не нервничаю. Я боюсь до смерти. Разве это возможно: выйти из дома в одном купальнике и с пятьюдесятью кронами, зная, что дома жарятся котлеты, и потом решить погулять?

Харри задумался. Он уже хотел было принять предложение Барли насчет вина, но тот успел вылить остатки в свой бокал. Самое время встать, поблагодарить за гостеприимство и уйти, напоследок попросив Барли перезвонить, если супруга не вернется к ночи, и успокоив рассказами о том, что подобные случаи не редкость, но, как правило, все заканчивается благополучно. Но что-то ему мешало так поступить. Возможно, деталь про бикини и пятьдесят крон? Или, может быть, то, что он весь день чего-то ждал и вот теперь выпала возможность отсрочить одинокий вечер в захлавленной квартире? Но скорее всего — неприкрытый панический страх Барли. Раньше Харри часто недооценивал интуицию, и свою, и чужую. И это всегда дорого ему обходилось.

— Мне нужно сделать пару звонков, — сказал он.

Без пятнадцати семь в квартиру Вилли и Лисбет Барли пришла Беата Лённ, а еще через пятнадцать минут — кинолог в сопровождении немецкой овчарки. Он представил себя и своего пса — обоих звали Иванами.

— Так вышло случайно. Это не моя собака.

Харри заметил, что Иван ждет от него насмешливого комментария, но промолчал.

Пока Вилли Барли искал в спальне недавние фотографии Лисбет и одежду, по которой Иван-пес мог бы взять след, Харри быстро и тихо делился мыслями с Беатой и кинологом:

— Значит, так. Она может быть где угодно. Возможно, она его бросила, или почувствовала недомогание, или тайком пошла куда-нибудь. Миллион вариантов. Но ее также могли бросить на заднее сиденье и изнасиловать четверо подростков, загоревшихся от вида женщины в купальнике. Мне не хочется, чтобы вы искали ее по какому-то одному из этих вариантов. Просто ищите.

Беата и Иван кивнули: им было ясно.

— Скоро тут появятся патрульные. Беата, прочеши с ними окрестности, поговори с народом. Особенно в магазине, куда она собиралась. Потом переговоры со здешними жильцами. А я пойду вон к тем друзьям на балконе напротив.

— Думаешь, они что-то знают? — спросила Беата.

— У них отличный обзор, а сидят они, судя по количеству пустых бутылок, уже прилично. Лисбет, по словам мужа, весь день была дома. Я хочу узнать, видели ли они ее на террасе, а если видели, то когда.

— А смысл? — спросил кинолог, дергая за поводок Ивана.

— Потому что если дама в бикини не выходила на террасу из этой парилки, то это очень и очень подозрительно.

— Конечно, — шепнула Беата. — Подозреваешь мужа?

— Мужа я подозреваю из принципа, — сказал Харри.

— А смысл? — повторил Иван.

— Ищите мужчину. Всегда виноват муж, — выдал Харри.

— Первый закон Холе, — пояснила Беата.

Иван поочередно смотрел то на Харри, то на нее:

— А... разве не он заявил о ее исчезновении?

— Он, — согласился Харри, — но все равно ищите мужчину. Поэтому вы с Иваном начинаете работать не на улице, а тут. Придумайте какое-нибудь объяснение, но мне нужно, чтобы вы сначала проверили квартиру и чердак с подвалом. Хорошо?

Кинолог Иван пожал плечами и обменялся удрученным взглядом с тезкой.

Те двое на балконе напротив оказались на поверку вовсе не парнями, как решил было Харри, увидев их с террасы, а взрослыми женщинами примерно одного возраста. Одна из них была большой любительницей постеров Кайли Миноуг, а другая носила прическу-«ежик» и футболку с надписью «Тронхеймский орел». У Харри не было никаких доказательств того, что они лесбиянки, но он позволил себе такое предположить. Расположившись в кресле перед хозяйками — совсем как пять дней назад перед Вибекке Кнутсен и Андерсом Ньюгордом, — Харри начал разговор:

— Извините, что вытащил вас с балкона.

Одна из женщин, представившаяся Рутой, рыгнула, прикрыв рот ладонью, и ответила:

— Да все в порядке. Верно? — Она хлопнула соседку по колену.

Мужской жест, подумал Харри, вспоминая при этом слова психолога Эуне: «Стереотипы укрепляются, потому что люди бессознательно ищут их укрепления». Именно поэтому полицейские, исходя из так называемого опыта, считают преступников дураками. А преступники считают дураками полицейских.

Харри вкратце обрисовал собеседницам обстоятельства дела, те воззрились на него с удивлением.

— Конечно, все скоро выяснится, но нам в полиции приходится и такими случаями заниматься. Для начала надо установить время.

Женщины серьезно кивнули.

— Отлично. — Харри изобразил им «улыбку Холе» — так Эллен называла гримасу, которую он делал, когда хотел выглядеть мягким и приветливым.

Рута рассказала, что они с полудня сидели на балконе. Видели, как до полпятого Лисбет и Вилли Барли лежали на террасе, потом Лисбет вошла внутрь, а Вилли разжег огонь. Он крикнул что-то про картофельный салат, жена отозвалась из комнаты. Потом он тоже зашел внутрь и вернулся минут через двадцать уже с биточками (а, это те угли, подумал Харри). Через некоторое время — соседки сошлись на пятнадцати минутах шестого — они увидели, как Барли звонит по телефону.

— У нас через двор все отлично слышно, — сообщила Рута. — И мы слышали, как другой телефон зазвонил в комнате. По Барли было заметно, что он раздражен, — он швырнул на стол свой мобильник.

— Наверное, пытался дозвониться жене, — прокомментировал Харри, но, заметив, как женщины переглянулись, пожалел о том, что сказал «наверное». — А сколько времени требуется, чтобы дойти до магазина за углом и купить там салат? — сменил он тему.

— До «Киви»? Я добегаю минут за пять, если нет очереди.

— Лисбет Барли нь-бегаёт, а хойт мельно, — тихо сказала ее подруга на жутком диалекте.

— Так вы с ней знакомы?

Рута и «Тронхеймский орел» снова переглянулись, будто согласовывая ответ.

— Нет. Н-мы ё знаем.

— Да? Откуда?

— Кажется, в «Вердене Ганг» была статья о том, что Вилли Барли этим летом ставит в Национальном театре мюзикл?

— Не, Рут, эт-была ток-заметка.

— Нет, статья, — раздраженно откликнулась Рута. — Лисбет в главной роли. Большое фото, все дела. Наверняка вы видели.

Харри хмыкнул:

— Этим летом я... не столь активно следил за газетами.

— Да вы что! Был скандал! Эти зазнайки театралы считают, что это лето станет для Национального театра позором. Ты название мюзикла помнишь? «Моя красная леди»?

— «Прекрасная», — буркнула «Тронхеймский орел».

— То есть они занимаются театром? — вмешался Харри.

— И театром тоже. Вилли Барли везде поспевает: эстрада, фильмы, мюзиклы...

— Он пр-дюсер, а она — пьвица.

— Вот как?

— Да, вы ведь помните: до замужества ее фамилия была Харанг.

Харри покачал головой, будто извиняясь за собственное невежество.

Рута глубоко вздохнула:

— Лисбет с сестрой пели в «Спиннин Уил»^[10]. Лисбет была просто куколка, вроде Шанайи Твейн. А голос такой... низкий, с хрипотцой!

— Они не б-ли так уж п-пулярны, Рут.

— Зато пели в программе Видара Лённ-Арне-сена. И продали кучу дисков.

— К-сет, Рут.

— Без разницы. Я видела, как «Спиннин Уил» продавали в том большом музыкальном магазине на Карл-Юханс-гате. Ничего так разбирали! Они собирались записать диск в Нэшвилле, все дела. Но потом ее нашел Барли и решил сделать из нее звезду мюзикла. Но это случилось уж давно.

— Восемь лет н-зад, — сказала «Тронхеймский орел».

— Лисбет Харанг завязала со «Спиннин Уил» и вышла за Барли. Деньги, известность... Неужели не слышали?

— И колесо больше не вращалось?

— А?

— Он пр-группу, Рут.

— А, да! Сестра продолжала петь одна, но звездой-то была Лисбет. Думаю, «Спиннин Уил» сейчас выступает в каком-нибудь горном отеле или на теплоходе.

Харри встал:

— Ну и последний вопрос: как, по-вашему, протекает семейная жизнь Вилли и Лисбет?

«Тронхеймский орел» и Рута вновь обменялись взглядами-позывными.

— Здесь все хорошо слышно. У них и спальня выходит во двор.

— Вы слышали, как они ругаются?

— Они не ругаются. — Они выразительно на него посмотрели.

Смысл сказанного пару секунд доходил до Харри, после чего он, к своему

неудовольствию, почувствовал, что краснеет.

— Стало быть, у них все было замечательно, — смущаясь, сказал он.

— Дверь на террасу все лето распахнута. Порой мне даже хотелось забраться на крышу, обойти вокруг двора и спрыгнуть к ним на террасу, — ослабилась Рута. — Немножко пошпионить, а? Несложно ведь: встаешь на перила, потом — ногу на водосточный желоб, и...

«Тронхеймский орел» толкнула ее в бок.

— Но это и не требуется, — очнулась Рута. — Лисбет мастер... как это?

— Звуковых эффектов, — подсказала «Тронхеймский орел».

— Вот-вот. И все интересное можно представить по голосу.

Харри почесал в затылке.

— Такому низкому, с хрипотцой, — осторожно улыбнулась «Тронхеймский орел».

Вернувшись, Харри застал в квартире работающих Ивана и Ивана. Кинолог Иван обливался потом, а пес Иван вывалил из пасти язык, красный, как банты на День Конституции.

Харри осторожно сел на одно из лож и попросил Вилли Барли рассказать все еще раз, с самого начала, о том, что и когда произошло после обеда. История Барли подтверждалась показаниями двух женщин.

Харри заметил в его глазах искреннее отчаяние и начал уже думать, что, если что-то криминальное и произошло, этот случай — исключение из статистических данных. Но он все больше уверялся в том, что Лисбет скоро вернется. Или муж — или никто. Статистически рассуждая.

Вернулась Беата и сказала, что во всем доме застала жильцов только в двух квартирах и они не слышали и не видели ничего подозрительного ни на лестнице, ни на улице.

Постучали, Беата открыла. Явился патрульный в форме. Харри сразу его узнал — тот самый, что стоял на посту на Уллеволсвейен. Не обращая внимания на Харри, он заговорил с Беатой:

— Мы поговорили с людьми на улице и в «Киви», проверили соседние дворы и подъезды. Ничего. Но многие ведь в отпусках — на улицах тут пусто, женщину могли затолкать в машину так, что никто бы и не заметил.

Харри увидел, как съежился Вилли Барли.

— Наверное, стоило бы проверить парочку пакистанцев, которые держат тут лавки, — добавил патрульный, ковыряясь мизинцем в ухе.

— А почему именно их? — спросил Харри.

Полицейский наконец повернулся к нему:

— А вы разве не читали криминальную статистику, инспектор? — Он сделал особое ударение на последнем слове.

— Читал, — ответил Харри. — Насколько я помню, лавочники там не на первых позициях.

Патрульный ответил, внимательно разглядывая мизинец:

— Мне кое-что известно о мусульманах, как и вам, инспектор. Для их народа женщина в бикини будто сама просит, чтобы ее изнасиловали. Можно сказать, это даже их долг.

— Хм?

— Такая уж религия.

— Думаю, вы путаете ислам и христианство.

С террасы спустился кинолог:

— Нам с Иваном тут больше делать нечего. Нашли в мусоре пару обугленных котлет, ну и все. Кстати, другие собаки здесь недавно бывали?

Харри посмотрел на Вилли. Тот только покачал головой. Судя по выражению лица, голос его сейчас не слушался.

— На входе Иван вел себя так, будто почуял другую собаку, хотя это мог быть какой-нибудь еще запах. Мы готовы идти на чердак и в подвал. Кто-нибудь нас проводит?

— Да. Конечно. — Вилли встал.

Они исчезли за дверью, и полицейский поинтересовался у Беаты, может ли он идти.

— Спроси у старшего, — ответила она.

— Он уснул. — Полицейский с ухмылкой кивнул в сторону Харри, который как раз примерял древнеримское ложе.

— Патрульный, — не открывая глаз, тихо позвал Харри, — подойдите ближе, будьте добры.

Полицейский подошел и встал перед Харри, широко расставив ноги и засунув большие пальцы за ремень.

— Да, инспектор?

Харри открыл один глаз.

— Если вы еще хоть раз, поддавшись убеждениям Тома Волера, напишете на меня докладную, я позабочусь о том, чтобы вы проходили в патруле до конца службы. Ясно, патрульный?

Полицейский изменился в лице. Когда он открыл рот, Харри был готов выслушивать мольбы или желчные тирады, а услышал тихую и спокойную речь.

— Во-первых, никакого Тома Волера я не знаю. Во-вторых, считаю своим долгом докладывать, когда сотрудники полиции появляются на работе в пьяном виде, подвергая себя и коллег опасности. А в-третьих, у меня нет желания служить нигде, кроме как в патруле. Разрешите идти, инспектор? — закончил полицейский.

Харри обвел его взглядом Циклопа. Потом снова закрыл глаз и, сглотнув, сказал:

— Будьте так любезны.

Услышав, как хлопнула дверь, он тихо застонал. Хотелось выпить. Внутри все горело.

— Пошли? — спросила Беата.

— Ты иди, — откликнулся Харри. — Я останусь, помогу Ивану обойти улицы, когда они разберутся с чердаком и подвалом.

— Уверен?

— Абсолютно.

Харри поднялся на террасу. Посмотрел на ласточек, послушал звуки, доносящиеся из открытых окон. Поднял со стола бутылку красного вина. Там еще оставалось на доньшке, и он допил. Помахал Руте и «Тронхеймскому орлу», которые этого все равно не заметили, и вернулся в квартиру.

В спальне тоже были заметны следы ремонта.

Перед шифоньером стояла незакрепленная дверца с зеркалом. Рядом с застеленной двуспальной кроватью стоял открытый ящик с инструментами. Над кроватью висела фотография Вилли и Лисбет. Харри особо не вглядывался в снимок, который Вилли отдал

патрульному, но теперь увидел, что Рута подметила верно: Лисбет и вправду была просто куколкой. Светлые волосы, голубые блестящие глаза, стройная фигура с почти что осиной талией. Минимум на десять лет младше Вилли. На фотографии они выглядели загорелыми и счастливыми. Наверное, это был снимок, сделанный во время их поездки за границу. На заднем плане виднелись величественный старый замок и конная статуя. Может быть, Франция. Нормандия.

Харри сел на край кровати и с удивлением заметил, как та просела. Водяной матрац. Он лег и ощутил, как кровать подстраивается под форму его тела. Приятно было чувствовать кожей прохладное покрывало. Вода в резиновом матраце переливалась при каждом его движении. Харри закрыл глаза.

Ракель... Они плыли по реке. Нет, по каналу. Вниз по течению на теплоходе, и вода звонко целовала его борта. Они были в каюте, и Ракель лежала рядом с ним в постели. Тихо смеялась, когда он с ней шептался. А потом притворялась, будто спит. Ей это нравилось — притворяться. Такая игра. Харри повернулся посмотреть на нее. Взгляд упал сначала на зеркало, в котором отражалась кровать целиком, потом — на открытый ящик с инструментами. Сверху лежал небольшой шпатель с зеленой рукояткой. Он поднял инструмент. Легкий и маленький, слегка испачканный в штукатурке.

Харри уже собирался положить резец обратно, когда рука вдруг замерла.

В ящике лежала часть человеческого тела. Они и раньше попадались ему на месте преступления — отрезанные части тела. Но секунду спустя он сообразил, что видит весьма реалистичный фаллоимитатор телесного цвета.

Он снова лег, так и не выпустив из рук шпатель. К горлу подкатил ком.

После стольких лет работы, когда каждый день приходилось копаться в чужих вещах, фаллоимитатор не был таким уж потрясением. И ком к горлу подкатил по другой причине.

Эта кровать.

Нет, надо выпить.

Здесь все очень хорошо слышно.

Ракель.

Он пытался не думать, но поздно.

Ее тело.

Ракель.

Харри почувствовал возбуждение. Он закрыл глаза, и ему показалось, будто ее рука сонным, случайным движением легла ему на живот. И лежала там, не собираясь исчезать. Харри почувствовал ухом ее губы, теплое дыхание... Ее бедра, которые двигались при самом легком его прикосновении. Маленькая мягкая грудь с чувствительными сосками, которые становились твердыми от его дыхания. Ее тело, которое дразнит его и открывается ему. Ком в горле рос — как будто хотелось плакать.

В квартиру вошли. Харри вздрогнул, сел на кровати, расправил покрывало, встал и, отойдя к зеркалу, потер лицо ладонями.

Вилли настоял на том, чтобы сопровождать кинолога: посмотреть, не возьмет ли Иван след.

Они вышли на Саннер-гате. Беззвучно отъехал с остановки красный автобус. Из заднего окна на Харри смотрела маленькая девочка, ее круглое личико становилось все меньше и меньше, пока наконец не исчезло вместе с автобусом в направлении Руделёкки.

Они прошли до магазина «Киви» и обратно, но собака ни на что не реагировала.

— Это не значит, что вашей жены здесь не было, — обратился к Вилли Иван. — На городской улице, где полно транспорта и пешеходов, запах человека мог и затеряться.

Харри посмотрел вокруг. Ему казалось, что за ним наблюдают, но на улице никого не было, а окна домов отражали только черное небо и солнце. Пьяный бред.

— Ладно, — сказал Харри. — Большого мы пока сделать не можем.

Вилли смотрел на него с тем же отчаянием.

— Все хорошо, — заверил его Харри.

Вилли ответил безо всякой интонации, как будто диктовал метеосводку:

— Нет. Все плохо.

— Фу! Иван, ко мне! — крикнул кинолог, натягивая поводок.

Собака сунула нос под переднее крыло припаркованного на тротуаре «гольфа».

Харри похлопал Вилли по плечу, стараясь не встречаться с ним взглядом, и произнес дежурные фразы:

— Всем патрульным машинам сообщили. Если до полуночи она не объявится, мы отправим разыскную группу. Хорошо?

Вилли не ответил.

Иван лаял и рвался с поводка.

— Секунду, — сказал кинолог. Он встал на четвереньки и заглянул под машину. — Господи! — охнул он и сунул туда руку.

— Нашел что-нибудь? — спросил Харри.

Кинолог повернулся к нему, в руке он держал дамскую туфлю на шпильке. Харри услышал у себя за спиной тяжелое дыхание Вилли Барли.

— Это ее туфля, Вилли?

— Все плохо, — повторял тот. — Все плохо.

В четверг вечером перед почтой в Руделёкке остановилась красная почтовая машина. Содержимое ящиков ссыпали в мешок и отправили на Бископ-Гуннерус-гате, дом 14 — более известный как главпочтамт Осло. В тот же вечер в сортировочном терминале письма расфасовывали по размеру, и пузатый коричневый пакет оказался рядом с другим письмом такого же формата. Конверт прошел через несколько пар рук, но, разумеется, никого не заинтересовал. На географической сортировке ему тоже не уделили особого внимания, и конверт сначала оказался в блоке для Восточной Норвегии, а потом — в партии с индексом 0032.

И вот оно снова лежало в мешке в красной почтовой машине, готовое к завтрашней отправке. Была ночь, большая часть Осло спала.

— Все хорошо. — Мальчик потрепал круглолицую девочку по голове. Длинные тонкие волосы приставали к пальцам. Электростатическое электричество.

Ему было одиннадцать. Ей — семь. Брат и сестра. Приходили навещать маму в больнице.

Подождал лифт, открылась дверь. Мужчина в белом халате отодвинул железную решетку, коротко улыбнулся им и вышел. А они вошли.

— А лифт почему такой старый? — спросила девочка.

— Потому что дом старый, — сказал мальчик, закрывая решетку.

— Это больница?

— Не совсем. — Он нажал на кнопку «1». — Это дом, где уставшие люди могут немножко отдохнуть.

— А мама устала?

— Да, но все хорошо. Не прислоняйся к двери, Сестрёныш.

— А?

Лифт рывком тронулся, и ее длинные светлые волосы зашевелились. Электричество, подумал мальчик, глядя, как они медленно встают дыбом.

Она схватилась за голову и закричала. От ее тонкого, пронзительного крика он замер. Ее волосы зацепились за что-то по ту сторону решетки. Возможно, их защемило дверью. Он попробовал пошевелиться, но словно окаменел.

— Папа! — крикнула она, вставая на цыпочки.

Но папа ушел раньше, чтобы подогнать машину.

— Мама! — закричала она, поднимаясь в воздух.

Но мама лежала в постели с улыбкой на бледном лице. Оставался только он.

Она дергала ногами в воздухе, вцепившись в волосы руками.

— Харри!

Только он. Только он может ее спасти. Если бы только он мог пошевелиться.

— Помоги-и-ите!

Харри рывком сел на постели. Сердце в груди бешено колотилось.

— Черт!

Услышав свой хриплый голос, он снова рухнул на подушку.

Между шторами серела ночь. Он взглянул на электронные часы: красные цифры сообщали, что сейчас четыре часа двенадцать минут. Ад в летнюю ночь. Кромешный.

Харри свесил ноги с кровати и направился в туалет. Не глядя справил нужду. Больше он сегодня не уснет.

В холодильнике было пусто, если не считать бутылки легкого пива, которая оказалась тогда в его корзине по недосмотру. Он открыл шкафчик над мойкой. С полки смотрел молчаливый строй бутылок из-под пива и виски. Все как одна пустые. В припадке внезапной ярости он ударил в самую их гущу и слышал их звяканье даже после того, как закрыл шкафчик. Он снова посмотрел на часы. Пятница. В пятницу — с девяти до шести. Стало быть, «Монополька» откроется нескоро.

Харри сел у телефона в гостиной и набрал номер Эйстена Эйкеланна.

— «Такси Осло».

— Как там на дорогах?

— Харри, ты, что ли?

— Добрый вечер, Эйстен.

— Добрый? Да я уже полчаса без дела сижу.

— Сезон отпусков.

— Знаю. Владелец такси уехал за город, в Крагерё, а мне оставил самую медленную тачку самого медлительного города Скандинавии. Черт меня дери! Как после нейтронной бомбы!

— Не думал, что ты любитель попотеть на работе.

— Приятель, я потею, как свинья! Этот скупердяй покупает машины без кондиционера. Да мне после смены приходится напиваться, чтобы восстановить уровень жидкости в организме. Но это и стоит будь здоров! Вчера я потратил на выпивку больше, чем наварил за день.

— Мне тебя искренне жаль.

— Надо было идти ломать коды.

— Хакерничать? За что тебя как раз выгнали из Норвежского банка и вкатили полгода условно?

— Да, но у меня хорошо получалось. А тут... Кстати, хозяин подумывал о том, чтобы сократить объем работы, но я вкалываю по двенадцать часов. Нам не хватает шоферов. Харри, не хочешь поработать таксистом?

— Спасибо, я над этим подумаю.

— Зачем звонишь-то?

— Мне нужно что-нибудь, чтобы уснуть.

— Сходи к врачу.

— Ходил. Он выписал мне имован. Знаешь, такое снотворное в таблетках? Не помогло. Просил что-нибудь посильнее, но он отказал.

— От тебя небось разило? Еще бы он дал тебе рогипнол, Харри!

— Он сказал, что я еще молод для тяжелого снотворного. А у тебя есть?

— Спятил? Это ж верный путь за решетку. Но есть флунипам. Почти то же самое. Одна таблетка — и валишься без задних ног.

— Хорошо. Я сейчас слегка на мели, но отдам деньги сразу, как получу зарплату. А сны

тоже — того?

— А?

— Я сны видеть перестану?

На пару секунд на том конце повисла тишина.

— Знаешь, Харри, я тут сообразил, флунипам-то у меня кончился. Да и потом, опасный он. И сны видеть не перестанешь, скорей наоборот.

— Гонишь.

— Ну... Да и не нужен тебе флунипам. Просто попробуй успокоиться. Сделай перерыв.

— Перерыв? Ты и сам понимаешь, что это невозможно.

Харри услышал, как открылась дверь машины и Эйстен послал кого-то к черту. Потом заговорил снова:

— Это из-за Ракели? — Харри не ответил. — Поссорились с ней? — Харри услышал какой-то треск и подумал, что это рация. — Ау, Харри! Друг детства спрашивает, не разбилась ли твоя жизнь вдребезги, а ты молчишь?

— Разбилась, — тихо сказал Харри.

— Что случилось?

Харри перевел дыхание:

— В общем, я сам вынудил Ракель ее разбить. Я провалил одно дело, над которым долго работал. Я не выдержал. Запил и три дня пролежал пьяный в дерьмо, не слышал телефонных звонков. На четвертый она пришла сама. Позвонила, вошла. Сначала сердилась. Говорила, что я не могу вот так просто уйти, что обо мне спрашивал Мёллер. Потом погладила меня по лицу и спросила, чем может помочь.

— А ты ее выставил за дверь? Так, что ли?

— Я сказал, что у меня все хорошо. И тогда она сразу загрустила.

— Надо думать. Девчонка ж тебя любит.

— Она так и сказала. Но еще сказала, что не может во второй раз совершить ту же ошибку.

— Это какую?

— У Олега отец был алкоголиком. И все трое из-за этого страдали.

— И что ты ответил?

— Что она права. Что от таких, как я, надо держаться подальше. Тогда она улыbnулась и ушла.

— Теперь у тебя кошмары?

— Да.

Эйстен тяжело вздохнул:

— Знаешь что, Харри? Тебе уже ничего не поможет, кроме...

— Знаю, — перебил Харри. — Пули.

— Вообще-то я хотел сказать: «Тебя самого».

— И это знаю. Забудь, что я тебе звонил, Эйстен.

— Уже забыл.

Харри забрал с кухни бутылку легкого пива. Сел в кресло и недоверчиво посмотрел на этикетку. Со вздохом слетела крышка. Он отложил на стол импровизированную открывалку. Шпатель с зеленой рукояткой и золотистым налетом штукатурки на металлической части.

Утром в пятницу, часов в шесть, солнце выглянуло из-за Экеберга, и в его лучах Главное управление полиции засверкало, как кусок хрусталя. Охранник на входе читал газету и зевал

во весь рот. Когда на пороге появилась первая ласточка рабочего дня, он отложил «Афтенпостен».

— Пишут, будет еще жарче, — провозгласил охранник так, будто радовался, что наконец-то может переброситься с кем-то словечком.

Высокий светловолосый мужчина посмотрел на него усталыми голубыми глазами, но ничего не сказал в ответ.

Охранник заметил, что, хотя оба лифта стояли на первом этаже, вошедший направился вверх по лестнице, и снова уткнулся в «Афтенпостен», где писали о том, что женщина, пропавшая в среду среди бела дня, до сих пор не объявилась. Журналист, Рогер Йендем, цитировал Бьярне Мёллера, который сообщил, что под автомобилем рядом с домом, где жила пропавшая, найдена ее туфля и это подтверждает подозрение о том, что совершено преступление, но с уверенностью об этом говорить пока рано.

По дороге к полке корреспонденции Харри полистал газеты, потом взял два последних доклада о поисках Лисбет Барли. На автоответчике было пять сообщений, почти все от Вилли Барли. И весьма однообразные. Барли требовал бросить на поиски больше народу, говорил о ясновидящих и собирался объявить в газете о крупном вознаграждении тому, кто поможет найти Лисбет.

А в последнем сообщении кто-то просто дышал в трубку.

Харри перемотал запись и прослушал ее снова, потом еще раз.

Нельзя было различить, мужчина это или женщина. Тем более — Ракель это или нет. На экране значилось: «22:10 — НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЕН». Так обычно обозначался телефон Ракели, когда она звонила с Холменколлвейен. Но если она звонила, то почему не на мобильный?

Харри перечитал отчеты. Ничего. Перечитал внимательнее. Ничего. Он глубоко вздохнул и взялся за отчеты в третий раз.

Закончив, он взглянул на часы и отправился за новой порцией корреспонденции. Взял отчет одного из осведомителей, переложил на правильную полку коричневый пакет для Бьярне Мёллера и вернулся в кабинет.

Осведомитель писал коротко и ясно: «Ничего».

Харри перемотал назад запись на автоответчике, включил воспроизведение и, увеличив звук, с закрытыми глазами откинулся на спинку кресла. Попытался вспомнить ее дыхание. Почувствовать его.

— Бесит, когда они вот так не представляются, а?

Волосы на затылке встали дыбом. Нет, не от слов — от голоса. Харри медленно повернулся в кресле. Кресло недовольно завизжало. В дверях он увидел Тома Волера.

Тот стоял, прислонившись к косяку, и с улыбкой поигрывал яблоком.

— Не желаешь? Австралийские. А на вкус — как райские, — предложил он.

Харри отрицательно покачал головой, не спуская с Тома глаз.

— Можно войти? — спросил Волер.

Харри не ответил. Волер вошел и закрыл за собой дверь. Обойдя стол, он плюхнулся в свободное кресло и поднес яблоко к глазам.

— Харри, ты заметил, что мы с тобой всегда приходим на работу раньше остальных? Любопытно, да? Учитывая, что мы и домой уходим позже всех.

— Ты сидишь в кресле Эллен, — заметил Харри.

Волер хлопнул по подлокотнику:

— Харри, нам с тобой пора поговорить.

— Говори.

Волер, прищурился одним глазом, поднял яблоко к светильнику на потолке.

— И не грустно тебе в кабинете без окон? — усмехнувшись, спросил он.

Харри не ответил.

— Ходят слухи, ты от нас уходишь, — сказал Волер.

— «Слухи»?

— Ну, это, наверное, громко сказано. Скажем иначе: у меня есть свои источники. Ты ведь уже начал подыскивать себе подходящее место? В охранном агентстве? Или в страховом? Или, может быть, юрисконсульту устроишься? Да мало ли куда может приткнуться следователь с дипломом юриста. — Его крупные белые зубы вонзились в яблоко. — Возможно, не везде хорошо отнесутся к послужному списку с отметками о пребывании на работе в пьяном виде, самовольных отгулах, превышении полномочий, неподчинении старшим и нарушении профессиональной этики.

Его челюсти усиленно заработали, с хрустом перемалывая кусок сочного яблока.

— Но! Но... — продолжал Волер. — Даже если на работу тебя не примут, это не конец света. Их ведь можно понять: кто же ищет на свою голову приключений. Хотя человек, несмотря ни на что, был инспектором, причем одним из лучших. Да и платят они не очень. А ведь в конце-то концов к этому все и сводится. Чтобы за хорошую работу хорошо платили. Чтобы были деньги на еду, жилье и, допустим, на бутылку коньяка. Или ты предпочитаешь виски?

Харри заметил, что сжимает зубы так сильно, что заболели зубы под пломбами.

— А еще лучше, — развивал свою мысль Волер, — зарабатывать так, чтоб иной раз чем-нибудь себя побаловать. Например, съездить куда-нибудь. С семьей. Например, в Нормандию.

В голове у Харри что-то щелкнуло, как будто перегорел предохранитель.

— Мы с тобой во многом не похожи, Харри. Но это не означает, что я не уважаю тебя как специалиста. Я всегда считал тебя целеустремленным, талантливым, творческим человеком. А главное — упрямым. Отличное качество для жизни в обществе, где идет борьба за выживание. К сожалению, в этой борьбе в ход не всегда идут те средства, какие нам нравятся. Но если хочешь победить, нужно уметь бить конкурентов их же оружием. И еще... — Волер понизил голос. — Уметь правильно выбирать союзников. Таких, с которыми можешь чего-то добиться.

— Чего ты хочешь, Волер? — Голос Харри дрогнул.

— Помочь тебе. — Волер встал. — Как сейчас — так быть не должно.

— А как сейчас?

— А сейчас мы с тобой враги, и у начальства на столе лежит сам знаешь, какая бумага. — Он направился к двери. — Сейчас у тебя не хватает денег, чтобы сделать что-нибудь хорошее для себя или своих близких... — Он взялся за дверную ручку. — Подумай над этим, Харри. Из того лабиринта, в котором ты оказался, тебя выведет только одно.

«Пуля», — подумал Харри.

— Ты сам, — сказал Волер и ушел.

Она лежала в постели и курила. Смотрела на его спину перед приземистым комодом, на то, как лопатки двигаются под шелком жилета, заставляя ткань переливаться оттенками черного и синего. Она перевела взгляд на зеркало. Его руки уверенными мягкими движениями завязывали галстук. Ей нравились его руки. Ей нравилось смотреть, как они работают.

— Когда вернешься? — спросила она и поймала в зеркале его взгляд и улыбку, тоже уверенную и мягкую. Она надула губки.

— Так скоро, как только смогу, любовь моя.

Никто не говорил этого слова так, как он. «Liebling», любимая. С заметным акцентом и напевной интонацией. Она словно заново влюбилась в немецкий язык.

— Надеюсь, завтра, вечерним самолетом, — сказал он. — Ты будешь по мне скучать?

Она не удержалась от улыбки. Он засмеялся. И она засмеялась. Черт, ну почему он имеет над ней такую власть?

— Уверена, в Осло тебя дожидаются по уши влюбленные девушки. — Она продолжала улыбаться.

— Надеюсь. — Он застегнул жилет и достал из шкафа пиджак. — Ты погладила носовые платки, любовь моя?

— Они у тебя в чемодане, вместе с носками, — ответила она.

— Отлично.

— Ты едешь на встречу с ними?

Он подошел к кровати и склонился над ней.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. — Она обняла его за шею. — Каждый раз, когда ты возвращаешься, от тебя пахнет женщиной.

— Это потому, что я никогда не уезжаю надолго, любовь моя. Как давно мы вместе? Двадцать шесть месяцев? Значит, вот уже двадцать шесть месяцев я пахну тобой.

— И только? — Она притянула его к себе.

Он легко поцеловал ее в губы:

— И только. Извини, любовь моя, самолет... — И высвободился из ее объятий.

Она смотрела, как он подходит к комоду, открывает ящик, достает паспорт и билеты, кладет их в карман и застегивает пиджак. И все это одним скользящим точным движением, что одновременно и возбуждало, и пугало ее. И если бы большая часть его действий не сопровождалась той же точностью и уверенностью, она бы сказала, что он, наверное, всю жизнь учился уходить. Бросать.

Хотя за последние два года они столько времени провели вместе, она знала о нем на удивление мало. Он никогда не скрывал, что в прошлой жизни у него было очень много женщин. Говорил, что часто менял возлюбленных потому, что отчаянно искал ее. Бросал очередную, как только понимал, что это — не она, и продолжал поиски до тех пор, пока два года назад прекрасным осенним вечером судьба не привела его в бар на Вацлавской

площади, где он и встретился с ней.

Самая очаровательная история беспорядочных связей, которую она когда-либо слышала.

Во всяком случае, лучше, чем у нее. Она продавала любовь за деньги.

— Зачем ты едешь в Осло?

— По делам, — ответил он.

— Почему ты мне никогда о них не рассказываешь?

— Потому что мы любим друг друга.

Он тихо затворил за собою дверь, и она услышала его шаги на лестнице.

Снова одна. Она закрыла глаза и подумала, что хорошо будет, если его запах останется в постели до его приезда. Потрогала цепочку на шее. С тех пор как он ее подарил, она никогда ее не снимала. Даже в ванной. Провела пальцами по кулону и вспомнила о его вещах. О белом накрахмаленном пасторском воротничке, который положила рядом с носками. Почему она о нем не спросила? Быть может, потому, что чувствовала: она и так задает слишком много вопросов. Ей не хотелось его раздражать.

Вздыхнув, она посмотрела на часы и снова закрыла глаза. День был пустой. В два — консультация у врача, и все. Она принялась отсчитывать секунды, а пальцы все гладили кулон — красноватый бриллиант, ограненный звездочкой.

На первой странице «ВГ» помещалась статья о «краткой, но бурной истории» Камиллы Луен и одной знаменитости со студии норвежского государственного радиовещания — НРК, чье имя, впрочем, не раскрывалось. Газета раздобыла размытое курортное фото Камиллы в открытом купальнике. Очевидно, чтобы подчеркнуть намек статьи на основную составляющую истории.

«Дагбладе» в этот же день опубликовала интервью со старшей сестрой Лисбет Барли, Тойей Харанг. В статье, озаглавленной «Она всегда уходила», Тойя вспоминала привычки Лисбет и пыталась объяснить ее поведение: «Она ушла из «Спиннин Уил» — так почему бы и сейчас не уйти?»

На фотографии Тойя, улыбаясь, позировала в ковбойской шляпе. Харри подумал, что она вряд ли хотела, чтобы ее запечатлели с улыбкой до ушей, но фотографы не предупредили ее, когда начали снимать.

— Пива. — Он сел за барную стойку «Андер-уотера» и принялся за «ВГ».

Писали, что все билеты на концерт Брюса Спрингстина на стадионе «Валле Ховин» проданы. Замечательно. С одной стороны, Харри терпеть не мог концерты на стадионах. А с другой — помнил, как лет в пятнадцать Эйстен нарисовал фальшивые билеты на концерт Спрингстина, и они вдвоем пробрались с ними в «Драмменсхаллен». И все были на высоте. И Спрингстин, и Эйстен с Харри.

Отложив эту газету в сторону, он открыл «Дагбладе» на странице с портретом сестры Лисбет. Сходство было потрясающее. Харри звонил ей в Тронхейм, но ничего от нее не узнал. Вернее, ничего интересного. Не его вина, что разговор затянулся минут на двадцать. Она объяснила, что в ее имени ударение падает на «я»: «Тойя» и назвали ее вовсе не в честь сестры Майкла Джексона, которую зовут Ла-Тойя с ударением на «о».

С исчезновения Лисбет прошло четыре дня, а дело — выражаясь без обиняков — не продвинулось ни на йоту.

То же касалось и убийства Камиллы Луен. Даже Беата загрустила. Все выходные проработала, помогая немногим оставшимся на лето следователям, — и ничего. Хорошая она

девчонка, Беата. Жалко ее.

Так как Камилла была дамой светской, они попытались восстановить картину ее передвижений за неделю до убийства, но и это ни к чему не привело.

Харри собирался рассказать Беате, как Волер заходил в его кабинет и в более-менее открытой форме предложил продать ему душу. Но так и не рассказал. Беате и так есть над чем голову поломать. Прийти с этим к Мёллеру — поднимется шум. Лучше уж просто обо всем забыть.

Харри уже допивал второй полулитровый бокал, когда увидел ее в полумраке, за одним из столиков у стены. Она с еле заметной улыбкой смотрела прямо на него. На столе перед нею стояло пиво, в пальцах была сигарета.

Харри взял свой бокал и направился к ней:

— Можно?

Вибекке Кнутсен кивнула на свободный стул:

— А здесь какими судьбами?

— Живу неподалеку, — объяснил Харри.

— Это я уже поняла, но раньше ты здесь не появлялся.

— У меня возникли разногласия в моем постоянном ресторане касательно происшествия, случившегося на прошлой неделе.

— Не пускают? — с хрипотцой рассмеялась она.

Харри этот смех понравился. И она сама — тоже.

Возможно, из-за макияжа и полумрака. Ну и что? Ему понравились глаза — живые, игривые. Детские и умные. Совсем как у Ракели. Но на этом сходство заканчивалось. У Ракели были узкие, чувственные губы. А широкий рот Вибекке казался еще больше от ярко-красной помады. Ракель одевалась элегантно и неброско, а стройностью немногим уступала балерине — ни единой складочки жира. Вибекке сегодня была в тигровом топике — столь же кричащем, как и леопардовый. Ракель ассоциировалась у Харри с притушенными тонами: темные глаза и волосы, загар. Вибекке выделялась в полумраке рыжими волосами и белой кожей. Особенно — кожей ног.

— И что ты тут делаешь одна? — спросил он.

Она пожала плечами и сделала глоток из стакана:

— Андерс уехал, вернется только к вечеру. Я тут развлекаюсь.

— И далеко он уехал?

— В Европу или еще куда... Знаешь ведь, они никогда ничего не рассказывают.

— А чем он занимается?

— Продает утварь для церквей и молелен. Кафедры, запрестольные перегородки, кресты и прочее. Новые и бывшие в употреблении.

— Надо же. И у него есть дела в Европе?

— Когда какой-нибудь швейцарской церкви нужна новая кафедра, ее можно привезти из Олесунна, а старую отреставрировать и переправить в Стокгольм или Нарвик. Он постоянно в разъездах, проводит в них больше времени, чем дома. Особенно в последнее время. Собственно говоря, последний год. — Она затянулась сигаретой. — А сам он даже и не лютеранин.

— Нет?

Она покачала головой, выпуская густой дым из красных, покрытых мелкими морщинками губ, и подтвердила:

— Его родители были пятидесятниками. Он вырос среди всего этого. Я была однажды на их «службе». Знаешь, стало жутковато, когда они начали бессвязно лопотать на несуществующем языке, называя это «глоссолалией»^[11]. А ты бывал?

— Два раза, — ответил Харри. — В Филадельфийском приходе.

— Обрел спасение души?

— Увы, мне просто нужно было найти там свидетеля по одному делу.

— Ну-ну, не обрел Христа, так хотя бы свидетеля.

Харри пожал плечами:

— Так и того нет: он там больше не появлялся, да и по указанным адресам я не смог его найти. А уж спасения души я точно не обрел.

Харри допил пиво и подозвал бармена. Вибекке прикурила новую сигарету.

— Я весь день пыталась к тебе дозвониться на работу.

— Вот как? — Харри вспомнил пустой входящий звонок на автоответчике.

— Да, но мне сообщили, что ты этим делом не занимаешься.

— Если ты о деле Камиллы Луен, то так оно и есть.

— Так что я поговорила с другим, который приходил на вызов. Симпатичный такой.

— Том Волер?

— Да. Рассказала ему кое-что про Камиллу. Тебе в прошлый раз не смогла.

— Почему?

— Потому что там был Андерс. — Она глубоко затянулась. — Он очень болезненно реагирует, если я говорю что-то порочащее Камиллу, просто в бешенство приходит. Хотя мы ее почти и не знали.

— А зачем тебе ее порочить, если ты ее не знала?

Вибекке пожалала плечами:

— Я так не думаю, это Андерс так считает. У него твердая позиция, что за всю жизнь женщина может заниматься сексом только с одним мужчиной. — Она ткнула окурком в пепельницу и добавила: — А лучше вообще ни с кем.

— Значит, у Камиллы мужчин было больше, чем рекомендует Андерс?

— Она обращалась к ним по имени. Имена были разные.

— Откуда тебе это известно? Плохая звукоизоляция?

— Нет, звукоизоляция между этажами прекрасная. Зимой вообще ничего не слышно, но летом, когда окна открыты... Знаешь, в таких дворах...

— ...все очень хорошо слышно. Знаю-знаю.

— Именно. Андерс часто со злостью захлопывал окно спальни. А когда я говорила, что ей там, наверное, хорошо, уходил и ложился в гостиной.

— Ты об этом хотела мне рассказать?

— Да. И еще. Мне тут позвонили. Я поначалу решила, что это Андерс, но, когда он звонит, на заднем плане обычно слышится шум. Он ведь звонит с улицы, когда выезжает в Европу. Удивительно, что шум всегда совершенно одинаковый — как будто он всякий раз звонит из одного и того же места. Ну, не важно. А тут звук был другой. В другой раз я просто положила бы трубку и не вспомнила об этом, но после того, что случилось с Камиллой... Да и Андерс уехал...

— Ну и?

— Да нет, ничего страшного. — Она устало улыбнулась, и ее улыбка Харри тоже понравилась. — Кто-то просто дышал в трубку, но я испугалась. Потом решила позвонить

тебе. Волер сказал, что этим займется, но номер, с которого звонили, разумеется, не определили. А убийцы, они ведь всегда возвращаются на место преступления, да?

— Это в романах, — ответил Харри. — Я бы выбросил это из головы.

Он покрутил бокал. Лекарство начинало действовать.

— А ты и Андерс, случайно, не знакомы с Лисбет Барли?

Вибекке высоко подняла накрашенные брови:

— Это которая пропала? С какой стати?!

— Да, действительно, с какой стати?.. — пробормотал Харри, не понимая, почему этот вопрос пришел ему в голову.

Когда они вышли из «Андеруотера», было почти девять. Харри казалось, что он двигается по палубе корабля в шторм.

— Я живу близко, чуть ниже по улице, — сообщил он. — Не хочешь...

Вибекке чуть наклонила голову набок и улыбнулась.

— Харри, не делай того, о чем будешь жалеть.

— Жалеть?

— Последние полчаса ты только и рассказывал что о своей Ракели. Уже забыл?

— Я же сказал, что я ей не нужен.

— Ну и я тебе не нужна. А нужна тебе твоя Ракель. Или другая Ракель.

Она взяла его за плечо:

— Может, на какую-то секунду я и подумала, что все могло бы быть иначе. Так ведь не иначе же. Да и Андерс скоро придет домой.

Харри пожал плечами, покачнулся и сделал шаг в сторону.

— Давай хоть до дома тебя провожу, — пробормотал он.

— Харри! Тут пройти метров двести.

— Справлюсь.

Вибекке расхохоталась и взяла его под руку. Они медленно шли по Уллеволсвейен, мимо проезжали автомобили и пустые такси, а вечерний ветер целовал лица, как умеет целовать только в Осло и только в июле. Харри слушал ровное жужжание ее голоса и думал о том, что же сейчас делает Ракель.

Они остановились перед черной железной дверью.

— Спокойной ночи, Харри.

— А... ты поедешь на лифте?

— А что?

— Ничего. — Харри сунул руки в карманы и почувствовал, что теряет равновесие. — Осторожно. Спокойной ночи.

Вибекке с улыбкой подошла к нему и поцеловала в щеку. Харри жадно втянул ноздрями ее запах.

— Может быть, в следующей жизни, — шепнула она.

Дверь мягко и бесшумно закрылась за ней и тихо защелкнулась. Харри стоял и смотрел на витрину, пытаясь сосредоточиться. Что-то было не так. Нет, не выбор надгробных плит, а отражение. На краю тротуара через улицу стояла машина. Если б Харри хоть немного интересовался ими, то знал бы, что это эксклюзивная игрушка — спортивный японский автомобиль.

— Чтоб тебя... — тихо выругался Харри, выходя на дорогу.

Мимо, визгливо сигналив, проехало такси. Он подошел к машине и встал у двери водителя. Темное стекло опустилось.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — прошипел Харри. — Шпионишь за мной?

— Добрый вечер, Харри, — зевнул Том Волер. — Наблюдаю за квартирой Камиллы Луен. Смотрю, кто приходит-уходит. Не на пустом же месте возникла идея, что преступник всегда возвращается на место преступления.

— Это бред, — сказал Харри.

— Как ты сам понимаешь, больше уцепиться-то не за что. Убийца оставил нам не много улик.

— Преступник, — поправил Харри.

— Или преступница.

Харри пожал плечами и сделал шаг в сторону, чтобы не упасть. Приоткрылась дверца со стороны пассажира.

— Залезай, Харри. Надо поговорить.

Харри посмотрел на открытую дверцу. Подумал. Сделал еще один шаг в сторону. Обошел машину и сел.

— Подумал? — Волер убавил звук в магнитоле.

— Да, подумал, — ответил Харри, ерзая: на тесном ковшеобразном сиденье было неудобно.

— И какой же правильный вывод ты сделал?

— Судя по всему, тебе нравятся красные японские спортивные автомобили. — Харри с размаху хлопнул по приборной панели. — Солидная вещь. Скажи... — Харри сосредоточился на дикции. — Ты в таком автомобиле разговаривал со Сверре Ульсеном в Грюнерлёкке в тот вечер, когда убили Эллен?

Волер несколько секунд молча смотрел на него, прежде чем ответить:

— Харри, я не понимаю, о чем ты.

— Нет? Ты ведь знал, что Эллен догадалась: это ты стоишь за контрабандой оружия? И позаботился о том, чтобы Сверре Ульсен убил ее, прежде чем она кому-нибудь расскажет. А когда узнал, что я напал на след Сверре Ульсена, поспешил обыграть все так, будто он открыл стрельбу при задержании. Как и тот парень на портовом складе. Ты вообще мастер решать проблемы при задержании.

— Харри, ты пьян.

— Два года я искал факты против тебя, Волер. Ты знал об этом?

Волер молчал.

Харри рассмеялся и снова хлопнул по панели. Та как-то нехорошо затрещала.

— Знал, разумеется! Будущий начальник отдела знает все. Как ты дошел до жизни такой? Расскажи.

Волер выглянул на улицу. Из «Кебабного двора» вышел мужчина. Посмотрев по сторонам, он направился вниз по улице, к церкви Святой Троицы. Волер и Харри молчали. Мужчина свернул на дорогу между кладбищем и госпиталем Девы Марии.

— Хорошо, — тихо сказал Волер. — Если хочешь, я тебе исповедаюсь, но учти, тот, кто выслушивает исповеди, может оказаться перед неприятным выбором.

— Плевал я на неприятности.

— Сверре Ульсен получил заслуженную кару.

Харри медленно повернул голову в сторону Волера: тот сидел с закрытыми глазами,

откинувшись на спинку.

— Заметь, не потому, что я его боялся. Здесь ты промахнулся, — продолжал Том Волер бесстрастным голосом.

— Хм?

Волер вздохнул и открыл глаза:

— Ты хоть раз задумывался о том, что заставляет таких, как мы, делать то, что мы делаем?

— Только этим и занимаюсь.

— Какое у тебя первое воспоминание, Харри?

— Воспоминание о чем?

— Например, мое, — не обратил на вопрос внимания Волер, — это ночь и отец, который склонился над моей кроватью. — Он погладил руль. — Мне тогда было четыре или пять. От отца пахнет табаком и надежностью. Знаешь ведь. Самый отцовский запах. Обычно он приходил домой, когда я уже был в кровати. И я знал, что на работу он уйдет рано утром, еще до того, как я встану. Знал, что, если я открою глаза, он улыбнется, потреплет меня по голове и уйдет. Я притворялся спящим, чтобы он побыл со мной чуть подольше. А иногда я действительно спал, и мне снился кошмар про женщину с головой свиньи, которая ходит по улицам и пьет кровь маленьких детей, я вскрикивал и просил его посидеть со мной. Вот тогда он сидел рядом, а я лежал с открытыми глазами и все смотрел и смотрел на него. У тебя с отцом было так же, Харри?

Харри пожал плечами:

— Мой отец был учителем и много времени проводил дома.

— А мой был рабочим. Как и у моих друзей, Гейра и Соло. Они жили от нас через двор. Мы выросли вместе в Старом городе. Серые восточные кварталы, но за нашим двором следил профсоюз — у нас все было чисто и опрятно. Мы считали себя не пролетариатом, а вроде как предпринимателями. У Соло отец даже купил киоск, и там работала вся семья. У нас все много работали. Но больше всех работал мой отец. С утра до вечера. Как машина, которую выключают только на воскресенье. Мои родители не были особо религиозными, хотя отец полгода изучал богословие в вечерней школе, потому что дед хотел сделать из него священника. Когда дед умер, отец забросил учение, но мы каждое воскресенье посещали церковь в Волеренге, а потом отец ходил с нами до Экеберга и Эстмарки. А в пять мы наряжались к воскресному ужину дома. Скучота, скажешь ты? А я всю неделю ждал воскресенья. А потом наступал понедельник, и он снова уходил. Всегда на какую-нибудь стройку, где нужно было работать сверхурочно. Мы сэкономили. На белое, на серое и на черное, как говаривал отец. Больше-то не на что. Когда мне было тринадцать, мы переехали в западную часть города, в домик с яблоневым садом. Отец говорил, там лучше. В новой школе у всех в нашем классе, кроме меня, родители были юристами, экономистами, врачами. По соседству с нами жил судья. У него был сын — мой ровесник. Иоаким. Отец хотел, чтобы я стал таким, как он. Говорил, что, если я собираюсь стать одним из них, надо хорошо знать их жизнь: условности, язык, неписанные правила. Но мне не было дела до соседского мальчишки. Разве что до их собаки — немецкой овчарки, которая выла на крыльце ночи напролет. И после школы я ехал на трамвае в Старый город, к Гейру и Соло. Как-то мать с отцом пригласили всех соседей на барбекю, но те дружно отказались под разными вежливыми предложениями. Помню, тем летом соседи часто собирались на барбекю друг у друга. Смеялись. А нас никто так и не пригласил.

— А смысл у этого повествования есть? — спросил Харри, стараясь чисто выговаривать слова.

— Тебе решать. Мне замолчать?

— Ну что ты! Сегодня по телику как раз ничего интересного.

— Как-то в воскресенье мы по обыкновению собирались в церковь. Я стоял на улице и ждал мать с отцом, а соседская овчарка за забором рычала на меня и лаяла. Не знаю почему, но я открыл калитку.

Наверное, думал, что она злая потому, что она все время одна. Собака была не на цепи, она прыгнула на меня, повалила и укусила за щеку. У меня до сих пор шрам.

Волер показал, но Харри ничего не увидел.

— Судья крикнул на собаку, и она убежала. Потом он сказал, чтобы я убирался из его сада к чертям. Меня повезли в больницу. Мать рыдала, а отец почти не раскрывал рта. Мы вернулись домой, у меня был страшный шов — от подбородка до уха. Отец пошел к судье. Вернулся с почерневшим лицом и говорил еще меньше. Молча мы съели воскресное жаркое, а ночью я проснулся неизвестно отчего. Было тихо. Потом я догадался. Овчарка. Она больше не выла. Потом я услышал, как кто-то вошел в дом, и почему-то понял, что мы больше никогда не услышим того воя. Тихо открылась дверь спальни, и я быстро закрыл глаза, но успел увидеть молоток. Запахло табаком и надежностью. Я притворился, что сплю.

Он протер руль, смахивая невидимую пылинку.

— Я сделал то, что сделал, потому что знал: Сверре Ульсен убил одну из наших. Я сделал это ради Эллен, Харри. Ради нас. Теперь ты знаешь: я убил человека. Донесешь на меня или как?

Харри молча смотрел на него.

Волер опять закрыл глаза:

— Харри, против Ульсена были только косвенные улики. Он мог остаться на свободе. Я не мог этого допустить. А ты мог бы, Харри? — Волер открыл глаза, повернул голову и встретился с ним взглядом. — Мог бы?

Харри сглотнул:

— Тебя видели в машине вместе со Сверре Ульсеном. У меня был свидетель. Это тебе известно?

Волер пожал плечами:

— Я несколько раз говорил с Ульсеном. Он был неонацистом и уголовником. Это по нашей части, Харри.

— Но тот, кто вас видел, вдруг расхотел говорить. Ты ведь с ним побеседовал? Угрозами заставил замолчать?

Волер покачал головой:

— Харри, на такие вопросы я не отвечаю. Хоть ты и решил быть в нашей команде, есть строгое правило: знать надо только то, что помогает тебе в работе. Правило суровое, зато хорошо работает. И мы хорошо работаем.

— Ты говорил с Квинсвиком? — с трудом выдавил Харри.

— Квинсвик — это твоя очередная ветряная мельница. Забудь о нем, Харри. Подумай о себе. — Он наклонился ближе и понизил голос. — Что тебе терять? Да посмотри в зеркало...

Харри моргнул.

— Вот именно, — сказал за него Волер. — Алкоголик лет под сорок, без работы, без

семьи, без денег.

— В последний раз спрашиваю... — Харри хотел это выкрикнуть, но не получилось. — Ты говорил с... с Квинсвиком?

Волер выпрямился на сиденье:

— Иди домой, Харри. И подумай, чем ты кому обязан. Коллегам? Которые прожевали тебя, посчитали, что горький, и выплюнули?.. Начальству, которое, почуяв неладное, готово драпать во все лопатки? Или все-таки ты прежде всего обязан себе самому? Человеку, который многие годы старается сделать улицы Осло более или менее безопасными в государстве, которое больше заботится о преступниках, чем о полицейских. Харри, в своей области ты — один из лучших. У тебя, в отличие от прочих, есть талант. А зарабатываешь все одно паршиво. Я могу тебе предложить зарплату в пять раз больше, но и это не главное. Я могу предложить тебе уважение. Уважение! Подумай над этим.

Харри попытался сосредоточить взгляд на Волере, но лицо расплывалось. Он поискал ручку двери и не нашел. Чертовы япошки! Понаделают же машин! Волер перегнулся и открыл дверь.

— Я знаю, что ты искал Роя Квинсвика, — сказал Волер. — Развею твои сомнения: да, я разговаривал с Ульсеном в Грюнерлёкке тем вечером. Но это не значит, что я каким-то образом причастен к убийству Эллен. Я молчал, чтобы не усложнять и без того напряженную ситуацию. Поступай как знаешь, но поверь: свидетельство Роя Квинсвика ничего нового не даст.

— Где он? — спросил Харри.

— А если я скажу, что-то изменится? Ты мне поверишь?

— Возможно. Кто знает?

Волер вздохнул:

— Согнсвейен, тридцать два. Живет в подвале, в комнатке, где раньше жил его отчим.

Харри повернулся и помахал такси.

— Но как раз сегодня у него спевка, — продолжал Волер. — Там недалеко. В Староакерском приходском доме.

— Староакерском?

— Он перешел из Филадельфийского прихода в Вифлеемский.

Свободное такси притормозило, постояло с секунду, а потом снова рвануло в сторону центра. Волер криво улыбнулся:

— Перейти — не означает потерять веру, Харри.

В восемь вечера воскресенья усталый, но довольный Бьярне Мёллер, позевывая, запер ящик письменного стола и протянул руку к настольной лампе. Жуткий наплыв представителей прессы после убийства и исчезновения успел схлынуть, и в эти выходные он мог спокойно поработать. Кипа бумаг, возвышавшаяся на столе в начале поры отпусков, теперь поубавилась вдвое. А теперь домой — выпить виски со льдом и посмотреть новый выпуск передачи «Такт за тактом». Он нащупал выключатель и, в последний раз окинув взглядом расчищенный стол, заметил толстый коричневый конверт, который, кажется, взял с полки корреспонденции еще в пятницу. Стало быть, так он и лежал — за бумагами.

Если вдуматься, конверт мог подождать до завтра. Мёллер пощупал его — внутри было что-то не совсем понятное. Он вскрыл конверт ножом и сунул пальцы внутрь. Письма не было. Перевернул конверт, но ничего не выпало. Тогда он потряс конвертом и услышал, как от пластиковой внутренней стороны что-то отклеилось. Это что-то упало на стол, перепрыгнуло через телефон и шлепнулось на список дежурств.

Внезапно начались колики. Бьярне Мёллер некоторое время стоял согнувшись пополам и жадно хватал ртом воздух, прежде чем смог выпрямиться и набрать телефонный номер. И будь ему сейчас до того, он бы подметил, что именно на этот номер в списке дежурств и указывал выпавший из конверта предмет.

Марит влюбилась. Опять.

Она посмотрела на крыльцо приходского дома. В массивной белой двери было круглое окошко с железной Вифлеемской звездой, и свет, проходя через окно, падал на лицо нового мальчика. Он разговаривал с одной из хористок. Марит уже несколько дней подряд гадала, как бы привлечь к себе его внимание, но ничего не придумала. Просто подойти и заговорить? Плохое начало. Надо дожидаться подходящего случая. На спевке на прошлой неделе он высоким и чистым голосом рассказывал о своем прошлом. О том, что посещал Филадельфийский приход. А до того — он был неонацистом! Одна девчонка рассказывала, что у него кое-где огромная нацистская татуировка. Разумеется, все согласились, что это ужасно, но от этого интерес Марит только увеличился.

В глубине души она чувствовала, что это потому, что она влюбилась, интерес к новому и неизвестному скоро пройдет. Что нужен-то ей в жизни не он, а парень вроде Кристиана. Кристиан был регентом хора, его родители тоже принадлежали к этому приходу, и он сам иногда проповедовал на молодежных встречах. А такие, как Рой, слишком часто изменяют вере.

Сегодня спевка затянулась. Они разучили новую песню и вдобавок повторили почти весь репертуар. Когда приходили новички, Кристиан любил продемонстрировать им свои таланты. Обычно они репетировали в залах на Гейтснорсвейен, но в сезон отпусков их закрывали, так что приходилось снимать приходской дом на Акерсбаккен. Хотя миновала полночь, они, как обычно, стояли после спевки на улице. Гул голосов напоминал жужжание насекомых и придавал ночному воздуху дополнительное напряжение. Может, дело было в жаре. Или в том, что супружеские и влюбленные пары разъехались по отпускам и теперь не хватало их улыбок

и переглядываний. На вопросы подруг Марит отвечала невпопад и поглядывала в сторону Роя, думая о том, где же у него большая нацистская татуировка.

Одна из подруг толкнула ее локтем и кивнула на мужчину, который поднимался по Акерсбаккен.

— Смотрите, пьяный, — сказала одна хористка.

— Бедняга, — сказала другая.

— Именно такие пропащие души и нужны Иисусу. — Это сказала София. Такое говорила только она.

Остальные кивнули. И Марит тоже. И тут до нее дошло. Вот он, случай. Она без колебаний покинула подруг и пошла наперерез мужчине.

Он остановился и посмотрел на нее сверху вниз: оказался выше, чем она думала.

— Ты знаешь Иисуса? — высоким чистым голосом, с улыбкой спросила Марит.

У мужчины было ярко-красное лицо и блуждающий взгляд.

Разговор позади стих. Краем глаза Марит заметила, что Рой и девочки на лестнице смотрят в ее сторону.

— Увы... — прогнусавил незнакомец. — Да и ты тоже не знаешь, дочка. Но, может, ты знаешь Роя Квинсвика?

Марит почувствовала, что краснеет, и так и не смогла выдать следующее предложение: «А знаешь ли ты, что Он ищет встречи с тобой?»

— Ну? — спросил мужчина. — Он здесь?

Она посмотрела на его бритую голову, тяжелые ботинки и вдруг испугалась. Неонацист? Кто-то из старых дружков Роя? Пришел отомстить за предательство? Или звать обратно?

— Я... — начала Марит, но человек прошел мимо.

Она обернулась и успела увидеть, как Рой торопливо скрылся в приходском доме и захлопнул дверь.

Пьяный быстро зашагал по гравию, но вдруг покачнулся и перед лестницей бухнулся на колени.

— Господи... — прошептала одна из девочек.

Человек поднялся.

Марит увидела, как Кристиан поспешно отошел с дороги, когда тот рванул по лестнице. На верхней ступеньке он несколько секунд балансировал, готовый опрокинуться на спину, но в конце концов переместил центр тяжести вперед и взялся за дверную ручку.

[Купить полную версию книги](#)

Король Норвегии Улаф V (1903–1991). *(Здесь и далее — примеч. перев.)*

Грюнерлёкки — район Осло. В прошлом — рабочая окраина, ныне — модный квартал, место обитания богемы.

«Особые следственные органы» (SEFO) — служба по расследованию должностных преступлений.

Фраза принадлежит норвежской журналистке и социологу Хильде Хёуланн.

Трупное окоченение (*лат.*).

Некоторые норвежские монеты (в том числе монета в одну крону) имеют в середине круглое отверстие.

«Винная монополия» — сеть государственных магазинов, обладающих исключительным правом продажи спиртных напитков в Норвегии.

Фрогнер-парк, или парк Вигеланна, известен размещенными там работами скульптора Густава Вигеланна (1869–1943), среди которых наиболее известны «Злой мальчик» и Монолит из человеческих тел.

Ничего (*англ. и фр.*).

«Spinnin' Wheel» — букв. «Крутящееся колесо» (*англ.*).

Кульминацией обряда «крещения Духом Святым» у пятидесятников считается знамение дара (глоссолалия, произнесение непонятных, бессмысленных звуков в состоянии религиозного экстаза).